

РАБОЧИЙ –
ДОЛЖНОСТЬ
ТВОРЧЕСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

сочета

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1971

**Рабочая
трибуна
«Смены»:
ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ –
НАШЕ МАСТЕРСТВО
И ПОИСК.
РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАКАНУНЕ
XXIV СЪЕЗДА КПСС**

Множественные речей не было. И пластики ничего не махали. Правошли молчком, какими думали о чести своем, глядя на этот состав, увозящий то, что осталось от прошлого года было и радостных и больших. И побегом, и плачом. Молчали. А вагоны медленно проферилились по мосту над все еще зеленой рекой Оки, покрытые заслонами по белой равнине, издала пекориние на цепочку лыжников, и раздался в фоне синеющего видимо хвойного леса.

Всё — выдохнул Александр Иванович, — и вспомнил прошлую Весну: москвич с ним возился, ночью недосыпал. Поэтому расстались, и на форме. Как будто часть тебя увезли.

Увезли состав, материнские машины, тонны металла, отлитого разными способами, напичканные различными датчиками, счетчиками, электродиодами, приводами. И вот его на наконечник другого заезда и омыают десятки моторов, приводящих в движение плавающие, гидравлические пластины, начиная новая жизнь уникального стапка.

У Коломенского завода тяжелого станкостроения всемирно известная марка, называемая «Федосеевской». Разные страны приезжают металлурги, прокатчики, станочники с различными предприятиями, чтобы изучить на заводе. И знают: коломенцы сделают. Его называют «городом в городе». Идеи, мимо бесчисленных цехов, раскинувшихся на берегу Оки,

проходишь по залам и сидишь — действительного города со своим торопящимися прохожими, со своим транспортом.

Самые, что они называют «автомодели заводов». Может быть, это и сильно сказать, но один из таких действительных заводов — это просто завод, а уж какой-нибудь цех точно.

Александр Иванович рубит воздух в цехах, где работают он и сотни других. На этих машинах, на первых взгляд пластины, нетрополитов, а в итоге он становится гигантским.

Борис Андреев по меткам сверлит отверстия в корпусе будущего стапка. Стапок, который из металла, оставляя извилистую борозду.

А ты не жми, не жми так, силы позади, — говорит он. Ты же просишьbrigadir. — Ты же его придерешь сначала, поправь, дай врезаться. — И скажет brigadir: — Да, да, да! И он становится внедренным, что ли, а из-под сверла выплескивается рабочий пот. И вспоминаешь: «Вот я тут, — И умён министр в другой ноги цеха, где все заняты подготовкой к работе, — и вижу, что...»

Сборочный цех большого просторного светильника. Пролетающий над головой громадный кран, держащий деревянные станины, краны переносят их на место сборки, взыгивают пневматические губы, собирают винты, винцами, шплинтами. Станки здесь собирают высокоточные. И на их точность на взгляде не смотрят, а на то, что они делают. На различные оборудование. Поэтому что на новых станках, на которых работают разрозненные, но эти многотонные машины очень чувствительны к колебаниям температуры. Изменится она на один градус — и «затянут» мирины.

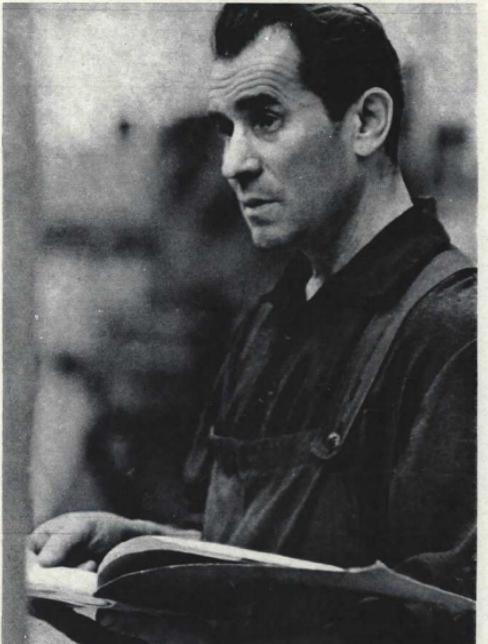
Официи попробуй. Поэтому здесь всегда плюс восемнадцать. Ни больше ни меньше.

После смены мы идем по коридору, забытым удачливым. Синевами, как бабочки, журчатся в фонаре. Падает темнота на плечи домов. Редко кому промелькнет на перекрестке.

— Видишь, какая у нас город тихий. Кто на заводе сейчас за стакном, кто у телевизора — хоккей сегодня, а бабушки сидят в тени скамейки, под старыми. У нас в цехе этого синеву собрали — наумчавшись. Кто в школе, кто в техникум, а у третьего лондонец в институте. Да прибыв к этому кружки различные дадут курсы.

— Это теперь никого не удивишь. — Я и не пытаюсь. Знаю: жизнью учиться заставляет. А вот сам иногда забываю. Стараюсь не поддаваться соблазнам. Он и не рабочий ведь, занялся в институт или техникум по вечерам, бегает, а потом прихожу в Дом культуры — он на сцене четверть выбывает. Жажды до жизни ребята пошли. Этой жажды, наверное, можно назвать творчеством. По крайней мере она воспитывает творческое отношение к жизни. А в институту становиться «инженером». Трудно проследить зависимость выполнения дневной нормы станочником от увеличения рабочего живописью, но то, что она существует, несомненно.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛОД

**С Героем
Социалистического Труда,
депутатом
Верховного Совета СССР,
бригадиром
слесарей-сборщиков
ордена Трудового
Красного Знамени
Коломенского завода
тяжелого станкостроения
Александром Ивановичем
ФЕДОСЕЕВЫМ
беседует
специальный корреспондент
«Смены»
Анатолий Баранов**

— Но это же не значит, что кинолюбитель будет обязательно рационализатором, а членом завода по толстым ягодам, — предупреждает изобретатель.

— Конечно, нет. Я ведь говорю о том, что есть творческое, художественное отношение к труду, о желании сделать свою работу лучше, быстрее, качественнее, красивее. Это желание и толкает человека на поиски усовершенствований.

Ваша станция настолько сплошная, что скажешь, можно замечать, что происходит только строго исполнитель, что ему предписано технологией.

Только-тако.

Нет, нет. Вот недавно получили мы чертежи нового стапка, потом и детали пошли. Стала наши слесарям так и эдак прикладываться. Видим, одна деталь им к чему здесь. Что-то вроде механического украшения. Одна деталь, которую никто не может понять. Стала только выигрывать от такой потери. Вызвали конструктора, объясняем ему, что и как: и заметка, разговор на разных языках — с расчетами, чертежами. Убедили. Эти станки сразу требуют серьезных знаний не только от конструкторов, но и от рабочих.

Но это случаи исключительные. Уже не слесарем. А я говорю о строгом исполнении технологии, тщательном выполнении инженерной задачи. Могли бы вот такая работа быть творческой?

— Несомненно. Каждый новый станок наш похож на предыдущий. Если мы делаем два-три одинаковых, то это не значит, что это скучно. Так, частое обновление продукции обязывает нас следить за развитием станкостроения, быть в курсе всего нового. Это уже предполагает творческий рост человека. И если даже сборщик ничего нового не вносит в проект стапка, он не просто исполнитель чужой воли. Под его руками может появиться новая конструкция машины, которую он выходит, как ребенок. Разве это не радость? Творческое отношение к работе — это же интерес к тому, что ты делаешь.

У слесарей-сборщиков всегда разнообразная работа. Разнообразие не надоедает. Наоборот, располагает к

понимают. А на новое же становничину, которые и сменили в смену делают одну и ту же дурь!

— Конечно, если он видит только эту деталь, радости мало. Человек должен видеть больше. Видеть и дальше итоги своей работы, чувствовать общественную целесообразность своего труда. Помнишь, как провожали вчера в смену? ведь не только сборщики были. Люди, другие, детские приходили. Одни для этого, ставка маленькая деталь выточена, а второй огромный корпус отшли. И каждый из них знает, что это ЕГО станок.

— Но вот этот творческий настрой на работу, заслужил ли он от возраста, опыта, образования?

— Как-то не приходилось задумываться над этим. Умение от опыта зависят, это точно. А творческое отношение к труду? Тут истины нужно скопрее всего искать в воспитании человека. Ставка на рабочую работу и за станком надо понимать не только производственный труд, но и как общественная деятельность человека. Нет, дело не в возрасте. Стоит иной а у станка, детали отсчитывают в уме на колпаки перемножают; для него труд — лишь выражение средств к жизни. Не больше. А вот на проходном у нас мальчишку задержали. Маленькая деталь выносил. Конечно, непорядок это с формаль-

ровать причины ухода рабочих с предприятия! Ведь с вашего завода уходит, несмотря на то, что вы стани

Уходят. Причины разные. Мне со многими из уходящих говорить приходилось. Особенности с молодыми. И никто не сказал, что из-за денег. Родители настойчиво забирают. Чаще всего уходит, потому что работы не устраивает.

Полгода у нас проработал паренек один и заявление написал — собирался уйти. Разговорились мы с ним, оказывается, он и завод не знал толком. Навязал ему в экскурсоводы. Вместе по цехам прошли, по душам поговорили. Забрал он заявление. Теперь, соединив участке работает, тезкину занимается.

Ну, не всегда так легко бывает повернуть человека.

— Я и не говорю о легкости. Но надо, чтобы человек видел и знал не только свою станок. Иначе он нутра рабочей работы, разбросанные вокруг, его окружающие, и виноваты. Я честно считаю, что в добре половине заполненных «бегунов» появился старик. Надо помочь молодому человеку разглядеть в его работе изюминку, то зерно, из которого вырастает и любовь к своей профессии и существо радости от труда. Рабочий у нас — должность творческая.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 3 [1049]
ФЕВРАЛЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:
МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ
КОЛОМЕНСКОГО ЗАВОДА
ТИЖЕГО СТАНКОСТРОЕНИЯ
ЮРИЙ УШАКОВ И ВИКТОР
МИНАЕВ. ОНИ СОБИРАЮТ УНИКАЛЬНЫЕ
СТАНКИ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

2
ШКОЛА МИЛОСЕРДИЯ.
ФОТООЧЕРК О КИШИНЕВСКОМ
МЕДИЦИНСКОМ УЧИЛИЩЕ

6

НОВЕЛЛЫ МОЛОДЫХ
СИБИРСКИХ ПРОЗАИКОВ
ГЕННАДИЯ МАШКИНА И
ВИКТОРА ЧУГУНОВА

12

«РАКЕТЫ НАД ОСТРОВОМ».
РЕПОРТАЖ ОБ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ
АРКТИКИ.

16

ЗАМПОЛИТ
АНАТОЛИЙ ГРАЧЕВ:
ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ЗАСТАВЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НАВСТРЕЧУ ХХIV СЪЕЗДУ КПСС.
РЕПОРТАЖ ИЗ УСТЬ-ИЛИМА — ВСЕСОЮЗНОЙ
УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С. М. БУДЕННЫЙ
РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕМ БОЕВОМ ОРУЖИИ

БЕЛАЯ СТИХИЯ СНЕГА.
ГЛАЗАМИ ГОРНОЛЫЖНИКА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, К. Н. Замошин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Путиков [заместитель главного редактора], Р. И. Рождественский, Е. И. Рабчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашевич.

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

ЖННОСТЬ

ной точки зрения. Но начали разбирать, кто из парней поступил лучше, кто меньше хотел парень перед другим или даже домашним побывать на первом месте, сам выточил. Всю смену надней мучился. Не оправдание это для выноса детали, но ведь искренний и хороший порыв молодого парня тоже со счетом сбрасывать неверено! Вот и сравни эти двух рабочих!

Но если подходить и дегу чисто практическому, то парень даст предпринять большие попытки.

— Данному производству, может быть, Но не государству, а самому парню, не зря интересуются?

— Из противоречий жизнь складывается. Так вот, предприятие важно выполнять план. Конечно, не все равно какой ценой, но важно. Да и государство в этом заинтересовано. Но в то же время страна наша забывает не только о развитии производства, но и о развитии личности. Для нее этого малышика — будущего.

— Вот вы говорили с вами о предпринятии, заинтересованном только в плане.

— Таких производств нет. Есть такие, которые разрабатывают планы. И именно они находятся в противоречии с государственным интересами. Правда, их,думаю, совсем мало остались.

— Значит, предприятие так же, как и государство, заинтересовано не только в достижении плана, но и в воспитании творческого работника?

— В последние годы на многих предприятиях состоятся планы сокращения рабочего времени. Благородно им каждый рабочий может сказать, что ждет его на заводе через год, через два, даже через десять. Он может определить в свои условия, направленные на создание своего будущего, на достижение своих целей, и то помощь, которую окажет ему предприятие, чтобы усилия эти оставались не напрасными.

— Наверное, осознание реальной перспективы значительно сократит течьство кадров.

— Конечно.

— Не приходилось ли вам анализи-

вать по справке из отдела кадров, а по сути своей.

— Парень говорил о том, что труд со временем станет не только потребностью...

— ...но еще и источником наслаждения. Так?

— Такой труд часто соотносят только с коммунистическим обществом. Но, думай, и при коммунизме не всякая работа будет наслаждением. И в то же время сейчас разве мало занятий, которые интересны людям, приносят им и радость и удовлетворение. Я, говорю, не нахожу работы. Вот иду опоздавшим по трапу, спешающим рядом с большими карусельными машинами, на которых работает товарец Анатолий Поляков. Парень он молодой, а товарь хороший, знающий и институт уже заканчивает. Смотри, как он с этой машины управляет, и люблюсь. И мне радостно, и, уверен, ему тоже время работы наслаждение доставляло.

Наши производств — я имею в виду не только наш завод — должны создавать все необходимые условия для творчества и тем самым уже сейчас превращая труд в духовную потребность.

Мы много говорили с вами о воспитании творческого начала в человеке.

— Ну, не так уж много. Тема эта неисчерпаема.

— Но мне бы хотелось узнать, что вы считаете самыми главными в этом работе.

— Надо воспитать человека так, чтобы общественные идеалы стали для личности. Чтобы он постоянно сознавал, что он живет не за свою спину, целя, завода, за всю страну. А эта отдалка рождается желания быть как можно более полезным обществу, тяга к знаниям, и совершенству. Это задача всеобщая. Путей к ее достижению много. Но главное — я уже здорово говорю об этом — постоянное внимание к человеку. А у нас часто в разговоре с молодым рабочим ограничиваются одними внушенными: не

прогуливай, не опаздывай, не пьянствуй. А чем он живет, о чем думает, о чем мечтает — его личное дело. В воспитании все главное, мелочей нет.

Ваш завод давно перешел на новую систему планирования. Как эта реформа складалась на творческом производстве?

— Рабочий теперь во все «взвешен». Его все интересует. Ему хочется, чтобы и бригада его на виду была, и цех, и сам он. И это нещадно обясняется.

Ну, «взвешен» — всем на плоское зеркало, когда он выступает как стремление к самоутверждению, как неслыханное почтение к творцам.

— Примите. Такое желание даже подогревать надо, направлять.

— В последнее время много уделяют внимания материальным стимулам.

— То, что уделяют много внимания, неплохо. Деньги еще никто не отменял. Плохо, что кое-кто думает только материальной заинтересованностью объяснить все. Плохо, что мы меньше внимания уделяем эмоциональной работе. А эмоции — это залог. Знаешь, как наши рабочие загорелись после обсуждения известного письма об экономии и бережливости! Сидим мы в цеховой столовой — там собрания у нас проходят. Предложение со всех сторон сыплются, как будто идет сокращение инженеров или научных сотрудников. И предложений много было.

— Например?

— Вот карусельщики наши предложили заменить шабровку — а работа эта ручная, точная, самая тяжкая у слесаря, — так, значит, предложили они заменить шабровку направляющими одного станка чистовым током. И вот карусельщики стали. Всего внесли с тех пор больше ста предложений. И чити, это только в нашем цехе.

— Многие ли из того, что предложили, реализованы, внедрено в производство?

— Раньше иногда случалось, что подал рационализатор свое предложение, его похвалили, премию выдали, а в цех все, как правило. Теперь мы делаем все, чтобы избежать этого. У нас на каждое предложение специальная карточка заводится. Экономист цеха Нина Морозова ведет эти карточки, следит за внедрением. Деятельность три предложений рабочих нашего цеха уже используется. Они позволили нам сэкономить почти восемь тысяч нормо-часов. Но грань интереса у каждого из нас, что каждый третий у нас стал рационализатором. Люди искат, начали, задумываться стали над тем, мимо чего раньше спокойно проходили. Вот комсомольцы наши схватились: почему нет в цехе счетчиков пара, воды, электроэнергии? Раньши мы на это внимание обращали. Казалось, зачем ставить их в цехах если не обрабатывают?

— Действительно, зачем затраты на их установку могут и не опкупиться той экономии, которую они приносят?

— Точно. Экономисты подсчитали, что затраты съедят экономию. Но есть и другой итог. Из каждого цеха надо извлекать воспитательный эффект. А разве эти счетчики не будут воспитывать чувство хозяйственной рачительности, бережливости? Да-мао, да-мао!

— Александр Иванович, ведь и ваша фамилия в списке рационализаторов завода.

— Не скрою, я всегда был бригадиром. А как вы лично стали рационализатором?

Собирая на заводе патинаторы, я заметил, что в бригаде стояла станок для обработки шестерен диаметром от пяти до восьми метров. Система смазки деталей станка была очень сложной. Маленьких медных трубочек там, по которым масло смазочное подается, запутавшиеся. Каждой смазочной канавке своя трубочка. Собирали эти трубки, мучились. И вижу вдруг: на них асфальтовый полу же-

лобки для стока воды, соединенные друг с другом. Вот, думаю, такие соединяющиеся желобки и на станке бы сделали. Но очень уж просто получилось. Просто это понадобилось исполнителю. А потом сам бригадир, конструктором рассказал, и уже следующий станок был с моей системой смазки. Самому же пришлось и собирать его.

— Вот вы сказали, что каждый твой рабочий в цехе — радиоприемник. А что же это за приемники предположим, городца меньше. Чем это объясняется?

— Русской поговоркой «ум — хорошо, да — лучше». Практикуем у нас сложное. Одному члену цеха не подходит какую-то идею большую. А если каждый что-то подскажет, смотриши, дело получается громадное. У нас в последнее время все бригадой делается. Кто-то предложил идею, обмозговал ее все вместе, расчленял на части, кто-то ее выполнял. Мы все вместе разрабатывали и внедряли принципиально новый метод разгрузки направляющих пластины. Узел сложный. Мы его значительно упростили, в размерах уменьшили, а работать он стал гораздо надежнее. Даже не помню, кто из бригады первым предложил это, усовершенствовал. Да, конечно, кто-то. Одному человеку такая работа была все равно не под силу, а бригадой мы ее довольно быстро упростили.

— А если предложение простое?

— Мы ведь и рационализацию рассматриваем как один из методов воспитания творческого начала в человеке. Видите, у меня есть книга «Бригада Борис Абдуев и Левия Ефремов» только начинают свою рабочую биографию. И важно им сразу почувствовать себя в бригаде необходимыми, равными. Тогда они к мастерству лучших станут упорнее подтягиваться. И если я скажу им, что вот, ребята, есть такая идея, принятьте, как лучшую, и она будет выполнена, то они спасаться не будут. И если сами не решат, не страшно. Вместе додумаем. Но для них эта работа будет много-значи.

— Вы все бригадные вопросы решаете вместе?

— Конечно. И даже такие, где, казалось, можно было бы обойтись только моим решением как бригадира. Когда подводят итоги соревнований, лучшего тоже называет бригадой. И обязательства мы так принимаем. Сразу же, не думая, не обдумывая, распишись, что сегодня сделаешь, а что завтра. И если мы обязательство взяли, выполним его, потому что не с потолка написали. Хуже нет, когда человек принимает обязательство, не обдумав его, не подсчитав своих сил и возможностей.

— Какие обязательства вы взяли?

— Каждый член бригады должен скончануть не менее семидесяти нормо-часов. Да еще индивидуальные: кому курсы закончат, кому на очередной разряд сдать. Представляете, что такое семьдесят часов? Декада целая. Тут на каждом операции надо экономить где-то, где десять, а где минуту всего. Но главное — за счет инициативы, творческого подхода к работе.

А комсомольцы цеха еще взяли шефство над карусельно-шлифовальным станком особой точности. Станок экспериментальный. Его и в плане цеха не было. А комсомольцы настолько доказали, что смогут сделать. И вижу, как растет этот станок. К съезду партии, думаю, он будет продукции выпустить.

В первые дни войны патинаторы летели Александру Федорову с селаринами. Всегда в сорочке, замученного полемического военно-политическим и разработками, ушел на фронт. И вот, вернувшись из тыла, занялся солдатскую гимнастикой на комбинированном кресле. О нем можно сказать любит: ворвался рабочий и снова ворвал. О заводе же и своей бригаде говорит говорить не хочется. Завод для него — это место другое, где он...

Я приправился к нему, принял, мясом прирюс. Он стал моей жизнью.

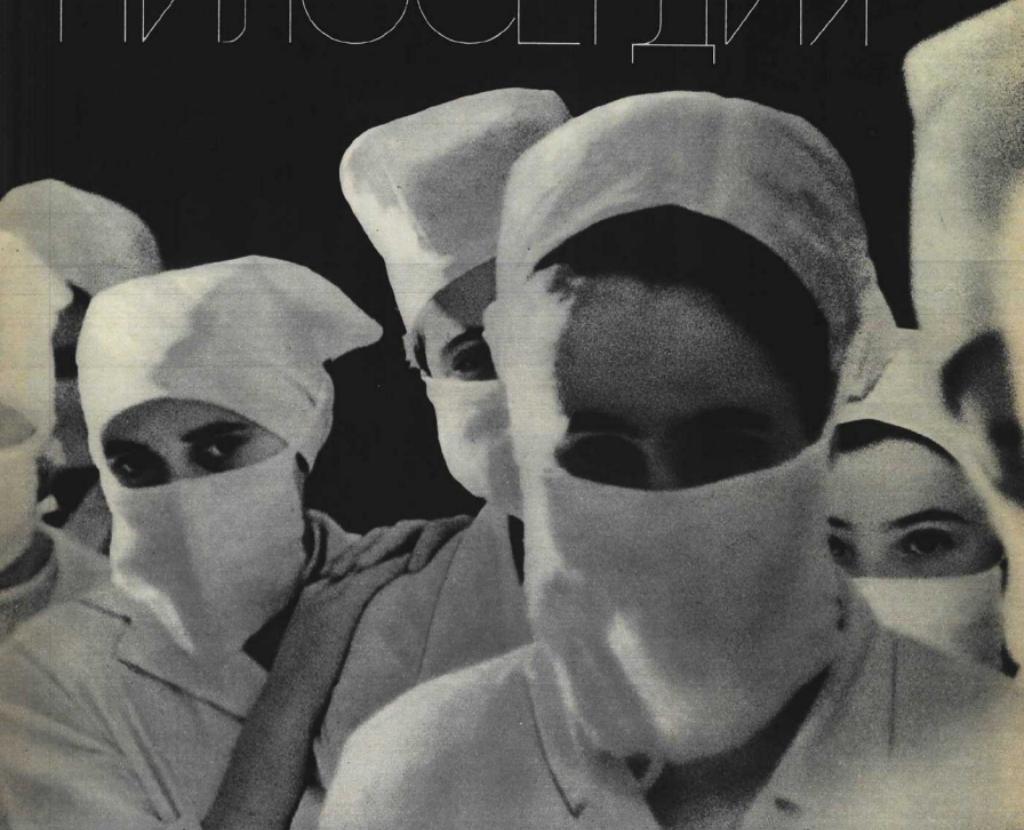
ШКОЛА

Твоя профессия

Анатолий ПИНЧУК, Сергей ПЕТРУХИН [фото]

МИЛОСЕРДИЯ

лианская санэпидстациона, общежитие и несколько факультетов медицинского института. Достраивается и высотное — 16 этажей — здание республиканской клинической больницы.

А вот и оно, Кипиневское базовое медицинское училище. Дом это и внутри известь на дне, склонность к каменюкам общий, потому что вновь открытое училище строится заново). Классные комнаты (16 аудиторий и 19 лабораторий) изевлики, но уютны; спланированы; приколоти трафарет «Призыв участникам соревнований» — и можно смело проводить чемпионаты, хочешь — городские, хочешь — республиканские; актовый зал, тот просто великолепен; библиотека — 28 тысяч томов — и просторная читальная; столовая, внешним видом похожая на молодежное кафе, но выгодно отличающаяся от моих ценами.

Путешествие по училищу и просьбы моих гостей — директора Рансы Анатольевичи Пахало («Обязательно похвалите работников «Молдагипростроя»: это благодаря им, их энергии наше училище получилось красще рижского, которое было взято за образец!») и завуча Петра Васильевича Пуркана («Обратили внимание на качество оборудования? Болгары — спасибо им — на славу поработали!») — все шло своим чередом.

Получив задание написать о Кипиневском медицинском училище, я стал само внимание, не человек, я вопросительный знак — стал до-зываться у разбирающихся людей, что есть что. Мне повезло: среди них были толковые люди.

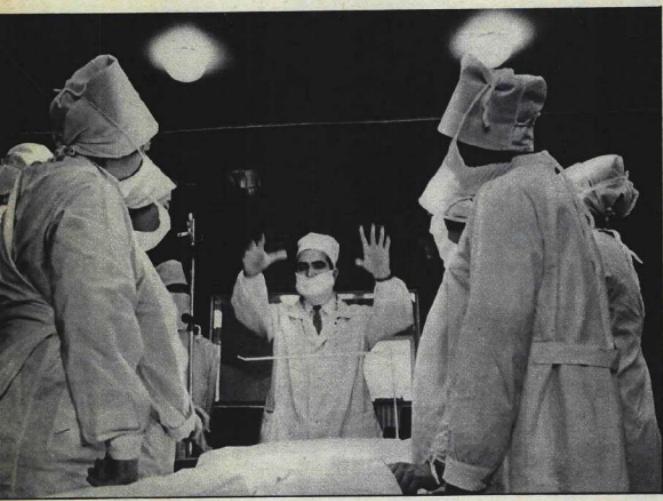
Один рассказал мне о том, что являла собой медицина в здешних местах каких-нибудь три-

дцать лет назад. «Прорвали параллель: сравнило выигрышное», — дал он мне совет.

Верно, выигрышное, решил я, но нельзя обятье необъятное, а мне больше понравилась тема, подсказанныя другим советчиком. Одна из важнейших проблем в медицине сегодняшнего дня — проблемы среднего звена. «Врачи хотят быть многими, а вот в медсестры идут безо всякой смысли, да и учатся они умру-умру... Узнай, много ли желающих попасть в медучилище, или идут те, кто не прорвался в институт? Многие ли собираются идти после училища в институт? Если процент высок, с решением проблемы, сам понимаешь, дела обстоят неважко».

Уже знакомый вам Цуркан за каких-то десять минут ответил на все мои вопросы.

— У нас 1 380 учащихся, 1 072 из них пришли, окончили восьмь классов, 308 — со средним

Кандидат медицинских наук Павел Ионович Чобану проводит занятия по хирургии с будущими операционными сестрами.

образованием. Мы особенно заинтересованы в тех, кто приходит после восьмого класса: они большие времена будут находиться в училище и, следовательно, большие преуспеют. К тому же в них мы уверены: они пришли не потому, что попали в институт. У нас 115 преподавателей. Разумеется, все с высшим образованием. В училище четыре отделения: фельдшерское, санфельдшерское, фармацевтическое и медсестринское. Самое крупное — медсестринское. Из 376 выпускников 1971 года 161 — с этого отделения, 100 — с фармацевтического, 78 — с санфельдшерского и 37 — с фельдшерского.

— А какая разница между фельдшерским отделением и санфельдшерским?

— Санитарный фельдшер, как правило, работает на санитарстанции или осуществляет контроль на производстве. В его задачу входит предупреждение заболеваний.

— Петр Васильевич, я разговаривал с учениками. И вот что получается. Из 27 человек только двое сказали, что идут затем в предпринимательство.

— И очень хорошо!

— Погодите-ка, а как же в таком случае удовлетворить спрос на фельдшеров, на фармацевтов и особенно на медсестер?

— Спрос удовлетворяется. У нас в Молдавии было восемь медицинских училищ — остались семь: в Рыбнице закрыли... Таких тоже говорят, когда перечисляют достижения.

— Так... понимающие сказали я, хотя и не поняли ничего. Помешал прытческий стереотип: хорошо — это когда чего-то открыли, а вот если закрыли...

— А с медсестрами у нас и вовсе хорошо. Наши выпускницы работают в Ленинграде, в Ташкенте, в Красноярске...

Я был готов к чему хотите, но только не к тому, что Молдавия экспортит медицинские кадры. Но куда больше поразил меня будничный тон, которым была произнесена эта фраза. Никаких тебе откровений — сплошные аксиомы: «Дважды два — четыре», «Волга впадает в Каспийское море», «Наши выпускницы работают в Ленинграде, в Ташкенте, в Красноярске...»

— Всегда родом из Молдавии, Петр Васильевич?

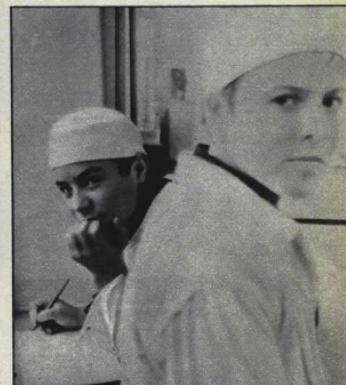
— И? Да. Здесь и родился и все время живу... А что?

— Сколько вам лет?

— Тридцать восемь.

— Значит, тогда ему было пять. А другому человеку тогда уже было сорок один. Цуркан: «Обязательно познакомьтесь с Верковичем. Каий это человек! И как он любит детей!». Панкало, директор училища: «Если бы можно было передать другим добрую Верковича, его отцовщину к людям и делу!».

О врач, педагог, им переведена на молдав-

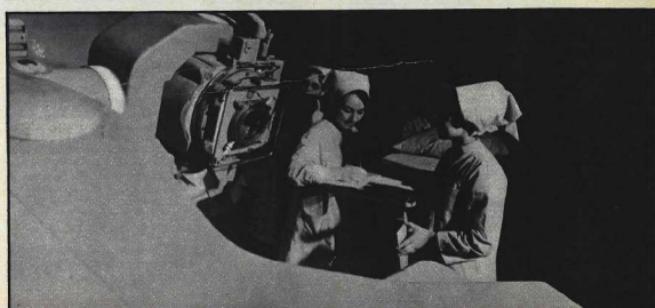

«Братья милосердия».

Сегодня — практика, завтра — работа.

Знакомство с аппаратурой в онкологической больнице.

ский язык «Педагогическая поэма». В училище, в котором он преподавал детские болезни и анатомию, уже преподают его бывшие ученики. Он здесь частый и желанный гость («Я не могу не приезжать сюда... Видели бы вы, в какой хате было училище в сорок шестом! Крыша, залежная от мха, протекала; в классах — таузы. Я рассказываю про гигиену, а вода — кан-кан. А сейчас? Это же дворец!»).

Долгие годы прожил он в бессарабской деревне. Был педагогом — стал врачом, детскими врачом. «По детской смертности — 34 процен-

та — Бессарабия занимала второе, после Египта, место в мире. Сейчас у нас допустимой нормой считается один процент. Если два, с врачей голову снимают! Врачей не было, сестер не было — дети умирали, а вы спрашиваете, почему учителя стал врачом?»

Ему был тогда 41 год, и он, конечно же, помнит.

— В 1937 году в Бессарабии было сто тысяч сыпнотифозных. Лечили? Конечно, лечили. У генерал-губернатора Бессарабии не было врачей, и он послал вместо них в села жандармов

и войска. Он дал приказ не выпускать никого из села и чтобы все мылись в банях. Он знал медицину, генерал-губернатор. Он знал, что тиф из-за вшей. Он только не знал бессарабскую деревню. Было мало бань, и была пословица: «Только у мертвых нет вшей».

Около Бендер на Днестре есть село Конопаки. Там собирали огромные урожаи лучших в Европе яблок. Наверное, поэтому румынские журналисты решили назвать свою книгу про Конопаку «Румынской Калифорнией». Когда они приехали в эту Калифорнию, они увидели людей,

умирающих от хонокса, больных сифилисом, ма- лярией, пельвицами. Простите, а вы знаете, что такое пельвичи? Не знаете? А об этом болезни и ничего не знают даже многие молодые врачи! Но потому, что они хуже врачи, чем мы старики. Сейчас нет такой болезни. Молодые могут знать, про нее из учебников. Это была первооснова болезней, бедняков, которых из-за того, что они ели одну только кукурузу, не хватало витаминов. Черной кожей называли пеллагру крестьяне. Мучительная болезнь. Часто на севере, в Сибири. И вот борьба с ней. И люди не удивлялись. Они не знали зарубежья, но, что такое черная кожа, они знали хорошо.

Теперь вам, наверное, понятно, молодой человек, почему учитель стал врачом?

А Илья Чобану мечтал стать учителем. Но отец Чобану сказал: «Ты должен быть врачом!». И мы не послушались. Старый Чобану диктовал до того времени, когда его сын стал хирургом, а я — химиком, как говорили тогда, или, как позже говаривали, химиком-технологом.

У меня в детстве часто болело горло, глотать было трудно. Как и сейчас понимаю, это была агиния. Бабка Федора, хотя и была глупым и единственным в селе медиком, вполне могла отправить меня на тот свет. В широкую открытый мой рот она всовывала палец и давила миндалевидные. У моих матерей Ефимы Гавриловны с детских лет болело сердце. Это был — я опять-таки — анатомический недостаток, который сейчас можно было бы вылечить. Еще раньше, когда я был совсем маленький, умерли мой младший брат и моя младшая сестренка. Отчего умерли? А кто это знал и кому интересовалось, почему умирали в бессарабских деревнях детишек?..

...Вот такую историю рассказал мне крестьянский сын, который вполне закономерно мог оказаться в числе 34 процентов бессарабских детей, умирающих от болезней без названий, в который тоже вполне закономерно стал хирургом, кандидатом медицинских наук.

Ну, а я, конечно же, переехал на новый месте, чтобы то, что только что узнал, — как бы отнеслось к будничным гонам произнесенной фразе: «Наши выпускники работают в Ленинграде, в Ташкенте, в Красноярске?»

Выслушав меня, Ранис Азантьевна Пакало, которая вот уже восемь лет директорствует в училище, сказала:

— В отношении клятвы Гиппократа вы правы: в таком возрасте уяснить смысл клятвы, понять ее значение не легко. Но ведь они и не дают клятву. А что висит она, в том числе и плохого: пустя читают. Ну, а что касается изменившегося в жизни человека, то здесь не требуется только цифры. Да, в сорок пятом в училище было всего 34 учащихся, а сейчас не многое полгурты тысяч. Но не это главное. В середине пятидесятых годов я стала студенткой Кышиневского медицинского института. Так вот, сегодняшний мой ученик немножко уступает студенту пятидесятилетней давности, а в чем и превосходит его. Ну, скажем, в турнире по хоккею. Или в соревнованиях медицинской спортивной команды. А пишущие учащиеся, хотя в большинстве своем они моложе студентов, гуджаро штурмуют «Клиническую медицину», «Фельцишера и акушерку», «Медицинскую сестру», «Медицинскую газету», наш реабилитационный медицинский журнал. От врача к первому очередь требуется знание дела, от медсестры — душевная щедрость; врачу — ученый, как лекции, да, по конспиративной. Зря, скажу я, скованным словом «мэдесстра» заменили «сестру милосердия». Человек с мыслями сердцем — это ведь как тепло, человечество и верно!

Да, проблема доброты, если ее так можно назвать, одна из важнейших, и решить ее совсем не просто. Тесты на доброту? Ну что ж, если такие вопросы кто-нибудь изберет, мы должны сказать спасибо... Но пока нет тестов, поэтому придется, чтобы ученики, мы должны искать добрых учителей — таких, как Чобану и Беркович, — ученых и добры и дело свое любят!

В терапевтическом отделении республиканской клинической больницы работает сестрой Диана Викторовна Ситкова. Есна она взада — и руки у нее золотые и к больным относятся так, будто каждый из них ее сын родной. Так вот, и не раз видела, как девушка наша, возвращаясь с практики, говорит: «Я буду, и Диана Викторовна!» Говорят торжественно — будто клятву Гиппократа дает.

МОЛОДАЯ ПРОЗА СИБИРИ

В этом номере «Смены» публикуют два рассказа молодых сибирских прозаиков — Геннадия Машиника и Виктора Чугунова. Первый из них в недавнем прошлом — геолог — теперь — инженер. «Открытия» их читинский и кемеровский семинары молодых литераторов, организованные ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей России...

Любопытные процессы происходят сейчас в литературной жизни Сибири. После Читинского и Кемеровского семинаров как бы поднимется на новый уровень интерес к литературе на местах, к деятельности местных литераторов, прозаиков и поэтов...

Они стараются не порываться со средой, из которой вышли. Поэты и прозаики охотятся геологами, журналистами, инженерами...

Также в этом номере приводится материал Распутиной, Дмитрия Сергеевича, Вячеслава Шulgaze, прозаика из Новокузнецка Гарии Немченко, новосибирца Аксольда Якубовского, курганца Бинара Потанина. Пройдет школа, и впереди — новые стилисты, новые темы, новые проблемы в сибирской литературе. Из пути — от напряженной профессиональной литературной работы, которой предстоит заниматься, — к новому пути — от профессиональной прозы, которой предстоит заниматься, плодотворной дорогой, по которой будут следовать истинные литературные таланты Сибири.

Геннадий Машиник и Виктор Чугунов таланты стали профессиональными литераторами. На поясах уже стоят их «персональные» книги, которые лишний раз подтверждают огромную полезность поисков новоменя и Союза писателей молодых литераторов, полезность того первооткрывателя, который дарит литературе новые серьезные имена.

Виктор ЧУГУНОВ РАССКАЗ

ИВАН И

З а ночь изба оставалася. На пороге выступала изней. Окна затягивалися коркой льда. Сырой воздух ципал колени. Мария надевала паны и с тоской вспоминала Ивана, что «уехал за границу, избавить» — что оставил ее с грудным детем, а сама приносила дров, нагревала печь и будила ребенка.

— Черноголовая моя залипуха! — говорила Мария, разглядывая на дочери рубашонку. — Просыпайся, не пини — на работу надо...

Дверями, по склонам которых вились коропы, в бояхах, спорах. Старуха жила одиноко в деревенской, опутанной сутробами, избушке, ругала сини, металлические ночи. Она пила и чувствовала, как тает наслаждение в пыли снега.

— Принималася, голубушка, — встречала ее Петровна. — Чего-то рано? Да ты в дверях не стоишь: у меня и избы не казенна...

Мария передавала бабке ренки и сжевывала молоко, прикоснувшись к печи.

— Твой-то соня — убег из-за? — спрашивала Мария, не за-ярив передорка.

Кто это знает? — Мария прятала грудь и застенчиво пнула. — Сейчас мужики пошли — где: что им ни скажут — они ради стараться...

— Ни пуштула, б, — учина бабка. — Куды мотаться?

— По мне он хоть в помылью ружни.

Мария стояла на полу стакан с молоком и решительно надевала паны.

Она пила из кружки. В покосившие утре под ногами на посыпанной улице скрипки снег. Было темно и пахло снегами. Над тайной меркли светцы звезд.

В школе Мария гонила пичи. Огурцы шумели, было радости от первого дыма и гуда. Гремела вода в барье, пальца, отчего замокли окна. Из коридора доносились глухое шарканье часов и Мария казалася тем, что в школе кто-то есть, кроме нее и старухи.

Заглянула свет, и Мария мыла посуду. Она работала быстро, не стыдясь упрямых ног, потому что была молодая и здоровая. Она раздвинула парты, широко водила тряпкой, а когда выпрыгнула, сдувала волосы и вытирала покрасневшее лицо плащом.

Приходил учитель Яким Васильевич Ермолаев.

Он глядел у печи руки, стучал паны, потом

закрывал печь и вешал ее на гвоздь. Шея Ермолаева обматывала широф; обсыпалася от ширфа долго, а освободился от ширфа и, схвативши кончик, выдернул из плаща.

— Ранузада копек — будет ласков денег...

Мария приподнялась приходила учителю. Она заканчивала мытье, подсыпывала в печи поленца и ждала, когда Ермолаев обратится к ней. Он обращался:

— Скоро гено-то будет?

— Это. Яким Васильевич, не от нас зави-

сит. — Мария смотрела в темное окно, обтерев его ладонью. — Как зима пройдет, так и тепло...

— Опять ты ее зове, Марусенька. Экая ты совершенство неподатливая. Тебе прошлый раз сказали: приди к нам горячие ветры — вол и тепло...

— Молок, и так, Яким Васильевич, но только я заморяла — теплое тепло летом бывает. В июне. Случай плыть на карбусе по Гнезду ущелью — там их каждый день, аж скажи гудят, и все с теплом...

— Я тебе свое, а ты свое... Ермолаев хмурился. — Длинное палто висело мешком. — Ты одна одаково подметаешь, а я рассказываю, что все люди на земле научились...

— Я рассказываю... Даже интересно бывает. Только я не знаю, что это пустое. Будут ли ветры, не будут ли, а лето все равно из июня. Дети на каникулы, и за лодку...

— Ты смотри на лодку...

Яким Васильевич снял пальто и стоял, покачав головы, среди него, измятый годами.

Мария сидела в парте, внимавшо подпирая кулаком лицо и глядя на учителя сквозь густые ресницы.

— Зимой ты был человек, Яким Васильевич, — говорила она. Учите меня, а я без вас выйду на улицу и скажу, какая застрая погода будет, а вы не скажете...

— По ради скажут, — отвечал Ермолаев, и здруг терялся, шаря паны, и вытигивал руки и го-го... Старый и, Марусенька...

— Соней и не старый, Яким Васильевич, — смехнулась Мария. — Всё как есть, что вы старые, а мы знали, и сейчас не говорим, что старые.

Она бежала встречать ребятишек. Наступила удивительная сладость, которая делала человека счастливым. То ли от природного лукавства, то ли просто от запаха рождающейся для или гомона ребятишек, только Мария воспринимала мир блеском и прекрасным, ей хотелось жить в нем бесконечно и радостно.

Зимой Мария торопилась на реку. Снег лежал ровным — от берега до берега: в нем играли блестками небо, ряжие солны и темно-зеленые тайбы. Мария родилась в глухии и больше всего любила реку. С молодости она привыкла ждать шум ломающегося льда. И, услыхав, испытывая дрожь, бежала к отцу, торчащему его и спрашивала, когда пойдет первый карбус. Отец иногда смотрел на синувшиеся лед и отвечал:

— На той неделе пойдет...

Мария любила карабиновый плащ. Она любила дорожные речные закаты, когда дисят в тальниках монстры, а сквозь серебристые ветви просвечивает закатное солнце: от этого стелется над водой зыбкое парение. К вечеру нежнее шумят река и такое множество собирается птиц, что трудно различить голоса. Но особенно захватывает простор, это единственный в тайге

простор — от берега до берега, то и ня — рука в руке, а то и обнявшись, пропадали.

Мария не знала, чего ждала от реки зимой, но ежедневно сидела на обледенелом карбузном борту и смотрела на снег, радужный, веселый, но такой неводийский, что становилось тошнило. Мария возвращалась в школу, тихо пропинкала в класс и слушала Якима Васильевича, а потом, когда расходилась ребятки, рассказывала сама:

— Я про эти нивы не хуже вас знаю, Яким Васильевич. Имъто, они какими и какими для всяких нужд, потому разные. Если, например, лесопильную пасеку, если козы или то для корма. Бывает наветла, высочущая такая, раскидана: из нее корыта делают, черени для лопат, а отец и дольбленики мастерил. Бывает верба — с нее ранний мед, она на пасках. Ракитой гонимись. Все нива...

Ермолова снимала сушки и сидел за столом, покачивая маленькой головой.

Мария

Рисунок Василия КАРЯЧИНА

— Меня Иван обучил, — смущалась Мария, — он во всяком деревне и в любой траве рабочает...

— Ивану как не разбираться — он без дома вечно...

— И ранние разбрался, Яким Васильевич. Былъло, поедем, так, он мне чего не показает. Какую траву и знать не знаю, а он все по порядку обскажет...

Учитель тепил глазами и сочувственно спрашивал:

— Занечалила, что ли, Марусичка?

Она а стояла кивала и торопливо уйти. Ей хотелось рассказать об Иване, но мешала растерянная ульбка Якима Васильевича. Мария укрывалась в своей конурке у двери и рассказывала сама себе, как он решительный и строгий, ее Иван, какой хозяйственный и знающий, и чем больше рассказывала, тем сильнее хотелось заплакать. Чтобы овладеть слезами, Мария примирялась что-нибудь делать.

Пришла за девчонкой, Мария рассуждала с Петровной.

— Иван мне по лапто: я сама с руками, с ногами — не пропаду. Скоро весна, бабушка, а там река пойдет...

— Девчонку куды? — спрашивала Петровна, показывая на dochь.

— Со мной будет — карбуз большой. Я здак же выросла. Былъло, отец на плав, и я с ним.

Твой отец-то дурак был. — Петровна налила чай, и Мария, сидя на краю кипящей губы. Морщинистое, бебородое лицо твердело. — Куды ребенка на реку? А если что?

— Боялась ворона дядю Семена. Мы люди привычные.

Мария раздевалась и шла к столу. Розовая кофта обтягивала широкую спину.

Петровна укоротительно качала головой.

— Ох-ох, как...

С тяжелым вздохом возвращалась к себе, натянула нюбь, перестрепала пальчики, и хотя это делала ежедневно, с прынчкой необходимости, усыпляя dochь, былоя, спокойно пела:

Иди Петь домовой,
Приходи по мне домой,
Я из бани пришла,
Пирогов на папка.

Однажды, рассказав личи, Мария вышла на школьное крыльцо, чтобы не мешать урокам. На реке цветущими брызгами играл снег. Темные волны приливали к пристани. Пососка-вой ушиней сидели на конях. С реки доносился тракторный гул.

Еще издали она увидела Ивана. Оншел краем берега, по снегу. На нем был знакомый ватник, шапка с опущенными ушами. Словно неупятный сохотник, греб он пытами снег, не оглядываясь, крепкий, грузный и непоколебимый.

Мария сорвалась с крыльца. Она бежала, размахивая руками. Тяжелая шапка расстегнулась, и волосы были видны. Мария визжала в снегу, выплюзывала, как бы крикнула, но позвала Ивана, чтобы разные времена не смутить.

Иван обнял ее и поклонил рукой по спине. С его холодных губ сорвались:

— Ладно, ладно тебе... Что? Иди, Мария...

Мария глядела на него с мольбой.

— Говорю — иди, — повторила Иван, и его измождённые брови свинцово-серые. — Не до тебя...

И Иван, забыв о снегу, убежал в тракторный поезд.

— Иди за мной приказываю!

Она понимающе кинула, съжимаясь и нюща слизи, а потом смотрела из окна школы на суетящихся мужиков и забыто куталась в шубу.

К вечеру Мария накрыла стол, вырядила dochь и села ждать. В избе пахло сухими пытами. У соседей лягли нюбь. Мария сидела за столом и прислушивалась к скрипу шагов на улице.

Иван пришел в полночь, тихо и незвуково разделился у порога, глядя на Марию тусклыми, усталыми глазами, и упал на кровать. Мария поднесла лампу, осветила его лицо, задубое и худое, широкий нос в корицницах по крыльям. Она села на кровать, вдыхая промерзший запах его волос и одеял, взяла руку. И вдруг упала на грудь, задыхаясь от хрипа:

— Ванька, хороший моя... Ненаглядный мой, зверь...

Она была благодарна жизни, что встретила такого вот, неупотомного и прямого. Мария не вспоминала историю своей любви, потому что в минуты отчаянного счастья об этом не беспоминают, но все ее существо было наполнено тутой памятью о решительном человеке, мужественном и честном. Раньше слухи о нем обрачивались синими, тревожными и горячими, а когда он открылся, когда пришел и все увидел, что он действительно такой, каким его

представляют, Мария не раздумывала и уехала с ним на лодке без просьб и зова.

Сейчас она чувствовала его тепло, слышала сердце. Забытая лампа коптила на полу. Илья погрузилась в тишину. Мария смотрела на тени, держала мужину руку и ничего не хотела, кроме покоя.

Илья проснулся рано — еще не было шести. Увидел в окне дочерей, спавших на лампе. Брови поднимались, открытым языком глаза. Илья взорвался синяя вспышка в глазах.

— Замерзло все... — сказал хрипло и вздрог от сильного холода.

— Да я живо, Манька, чего там... Илья настегал дрова и разнес их по кочкам. Запалился сладковатый комнатный морозец, лег капли на окна, слезами катив на двери. Илья умылся и сел на лавку.

— Ты что это? — спросил он.

— Здравствуй! — отвечала Мария. Волнуясь, она тянула за полк кофты, подчеркивая свою краудинскую грудь.

— Вчера-то, пока все кончили, — сказал Илья, положив руки на стол. — Илья никаких сидел — разбросало куда куда, потом сбился.

— А то расселись все, уложили... — Илья иронично усмехнулся.

— Да и ничего и не говорю... Он приподнялся на краю табурета.

— Народок попался — лишился бы деньги... Он помочился, косясь на руки. — Им говорили: дело делать надо, а они: деньги давай. Чуть труда не дадут, сразу бекать: мол, в городах с это запрещено.

— То ли не знаю, — отвела она, присаживаясь на край табурета.

— Народок попался — лишился бы деньги... Он помочился, косясь на руки. — Им говорили: дело делать надо, а они: деньги давай. Чуть труда не дадут, сразу бекать: мол, в городах с это запрещено.

— Да уж так... — Илья иронично усмехнулся.

— С этим нескоре довольство будет, разве жадность? — Он прислонился щекой к ее руке и спросил: — А ты как тут?

— Об мне ты спрос — живу и живу... — Мария опустила глаза и стала застегивать пуговицы на кофту. Девчонка на нас с собой, с девчонкой, хлопотно. А мне что? Не место, в тепло...

— Я и болея — девчонка... Он заправил в штаны рубаху, поднялся и набросал в пачку дров... Думай, может дровники сожглися, ходили...

— Чем же, Ваня, дровники? Дровники разошлись, конечно. Но я опять нарубила. Еще на прошлой неделе, с Петровской...

— Каждый из нас, — сказал он, обняв ее и зашептавшись в своей груди.

Конечно, Ваня, надо же... Ты не беспокоишься: одна и, что ли? Сейчас время такое в наших местах. Вот Тимофееvo волны или Лыкову. Тонкe музинки-то в работе. У Тимофеевы волны голова сама не вылезает: зимой в гайке, летом в горах. Да и здешние, змиующиеся, когда присмотрят: из геодезии кто — их сюда приводит. Да и другие. В школе, колхозе, Илья, Мария, Петровка — пришли сюда, сюда, и удали разные дрова, и оставили помещения закрывать. Вот тебе и думай не думай.

Отец его груховых рук слабели колени. Мария подняла голову, и во ее щеках разошлись румянец, облегк тубы и роскошные каштаны выступили на глазах.

— Кто сейчас по-другому живет? — спросила она. — Это раньше... Находятся себе таежники, и все...

Сейчас этого у нас нет, всякий в деле... Ивана не было, и Мария...

— Понятияешь ты у меня... — сказала приглушенно. — Дизайны-то вымыши за встречу.

Было время спешить на работу. Но Мария выпила и не торопилась. Все ждала, что Илья не пустят. А Илья молчал, только глядел на простую стакан.

Мария собралась и ушла. Зайдя к Петровке, опустилась на лавку.

— Илья, яс — логот блины пеки, — сказала Петровка.

Мария не скучнула от старуховых слов. За ними проглядывались сияющие и необходимые, без которых на земле трудно и топко. И только прикрыла губы рукавицами, потому что не хотела показывать их скорбное вадранье.

Петровка с утра скобзила стол; сухие желтоватые руки были открыты по локти. Стакан она вязмала тряпку и тряслась.

— Ты на пронойе недельке все хорохорилася: на четра от мое нужен, Ванька-то...

— Может, и на четра...

— Это у коненных от грамоты. Ране кого не спроси, всякий скажет, что за Волчьями лежа-

ми земле конец. А теперь прознали, что тайга без начал и краю, турху и нет: все инчиком. Одни берега глаза глядят, другая лягта выращивает не от господа бога. Что, совсем не приходило, что ли?

Мария опустила руки.

— Приходи...

В школе она то пытала печи и думала о том, что дальше, в горах, где живет Илья, очень коротко. Ей не хотелось думать, будто ни за каким металлом идут туда люди, а для другой жизни, непокойной на ту, какой живет она. И крова приливалася к лицу.

Пришел Ермолаев. Яким Васильевич греялся у печи и разматывал шарф. По его лицу ходили печевые бликсы, оканчивая взможине глаза.

— Разнудался конек — будет ласков денек...

Мария впервые почувствовала пустоту этих слов. Она села на парту и сложила на животе руки. Чего это вы такое говорите, Яким Васильевич?

Ермолаев раздвинул, пригладил волосы.

— От старости, — Марусенка, от старости. Что ни скажи — всему рад.

Он улыбнулся беспредметно, но с таким внутренним добром, что Мария утихла.

Джинсовый пиджак Марии, приближавший к своему небесному напечатлению, Ум и лопоню-то не знал что. Ты не обрадай внимания. Сыною завершил, что в молодые годы я был куда разумнее и рассудительнее. Только подумать, милая моя, из самого Санкт-Петербурга до каких краев доехал. Сколько ребят грамот обучил! И просветительство увлекло, Марусенка, в девяностодесят годы, в Сибирь подалася, в первом, по ленинскому призыву... Вот вспомнил...

Он положил лягкие руки на плечи Марии. Ехал-то по этому и дела нет. Я знаю. А эээ, Марусенка, потому что человек ты презематичный, тоинский человек. Самое тебе впереди быть, для примера.

Яким Васильевич вернулся к печи и склонился лицом к жару.

— И как у тебя Куна не бывает: Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, Яким Васильевич... Ребятинки разделись...

Илья и впрямь не бывает. Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, разделись...

Мария, со мной все жизни прошла: и не чтобы отстать, все впереди быть, для примера...

Он положил лягкие руки на плечи Марии. Ехал-то по этому и дела нет. Я знаю. А эээ, Марусенка, потому что человек ты презематичный, тоинский человек. Самое тебе впереди быть, для примера.

Яким Васильевич вернулся к печи и склонился лицом к жару.

— И как у тебя Куна не бывает: Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, Яким Васильевич... Ребятинки разделись...

Илья и впрямь не бывает. Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, разделись...

Мария, со мной все жизни прошла: и не чтобы отстать, все впереди быть, для примера...

Он положил лягкие руки на плечи Марии. Ехал-то по этому и дела нет. Я знаю. А эээ, Марусенка, потому что человек ты презематичный, тоинский человек. Самое тебе впереди быть, для примера...

Яким Васильевич вернулся к печи и склонился лицом к жару.

— И как у тебя Куна не бывает: Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, Яким Васильевич... Ребятинки разделись...

Илья и впрямь не бывает. Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, разделись...

Мария, со мной все жизни прошла: и не чтобы отстать, все впереди быть, для примера...

Он положил лягкие руки на плечи Марии. Ехал-то по этому и дела нет. Я знаю. А эээ, Марусенка, потому что человек ты презематичный, тоинский человек. Самое тебе впереди быть, для примера...

Яким Васильевич вернулся к печи и склонился лицом к жару.

— И как у тебя Куна не бывает: Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, Яким Васильевич... Ребятинки разделись...

Илья и впрямь не бывает. Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, разделись...

Мария, со мной все жизни прошла: и не чтобы отстать, все впереди быть, для примера...

Он положил лягкие руки на плечи Марии. Ехал-то по этому и дела нет. Я знаю. А эээ, Марусенка, потому что человек ты презематичный, тоинский человек. Самое тебе впереди быть, для примера...

Яким Васильевич вернулся к печи и склонился лицом к жару.

— И как у тебя Куна не бывает: Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, Яким Васильевич... Ребятинки разделись...

Илья и впрямь не бывает. Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, разделись...

Мария, со мной все жизни прошла: и не чтобы отстать, все впереди быть, для примера...

Он положил лягкие руки на плечи Марии. Ехал-то по этому и дела нет. Я знаю. А эээ, Марусенка, потому что человек ты презематичный, тоинский человек. Самое тебе впереди быть, для примера...

Яким Васильевич вернулся к печи и склонился лицом к жару.

— И как у тебя Куна не бывает: Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, Яким Васильевич... Ребятинки разделись...

Илья и впрямь не бывает. Илья где-то в тупике, тупике, где-то вонючий, с онеменными глазами... — Я сейчас приду, разделись...

Мария, со мной все жизни прошла: и не чтобы отстать, все впереди быть, для примера...

Геннадий МАШКИН

Богда война началась, я был в Москве, в университете, в Забайкалье. Думал-то, через месяц домой, в Читу, выться, за кисть да мастеров вязаться к осени, а получилось — на все пять лет загудел. Сначала-то корокорились наши ребята: «Что же, мы тоже впереди», — говорили, — «Мы сидим в университете, а там впереди фронт». Но в Москве поднялись, поумнели, — говорили. Только помкомвоздова наш, сержант Тарануха, продолжал бодриться. Он второй человек во заводе после лейтенанта Михеева. А лейтенант наше члены твердый был человек, только что из училища: ремни новые, голос резкий, как у кедровки.

— Разобьем скоро немцев, товарищи бойцы. Ие сомневайтесь.

Да и мы же все ясно: разобьем — сомнений нет, только до конца выясняется. Еще повозят всем придется. «Да скорей бы удача на фронт!» — судачат между собой солдаты. Надеюсь в тильду маршировать, да позлостыни писать. С этой позлости ноги уже не тянутся. А Тарануха как народом.

— Сибирь! Богем ари! Ложись! Встать! Галым! Водух! На плечо!

После этих горячих степей ничего уж мне не страшно...

— Рядовой Гвоздилин, объявляю наряд вне очереди!

— Есть наряд вне очереди...

Поднимаемся с кирпич, магниты перед глазами: «Не дойду до кухни... — думают, — упаду, и начнется на этот война для меня...»

Но приходит синий наряд нариди. Дверь каларды распахнулась и залетела на Михея. Лицо его изогнулось, румянин на щеках затончился:

— Воздух, выходит!

Выскочили мы из казармы, пристроились по быстрому к остальным взводам нашей роты. Смотрим, весь полк выстраивается. А на плацу под развернутым знаменем сам генерал Моросов стоит: «Всем вперед!»

— Товарищ бойцы, маршрут варягов Моросов воззванием голосом, и будто Багзил загудел в склахах. — Нашей дивизии выпала честь первых от учений к делу. Сегодня мы выездаем в район боевых действий! Надеюсь, сыны, сыны, не подведем Сибирь-матушку!

— Ура-а!

Далеко прокатилась наша радость по сопкам. — Воздух, слушай мою команду!.. Полчаса на сборах.

А нам и десяти минут хватило. Скатали шинели, получили патроны, сухой пак и — хоть с места в бой!

Построили нас и повели к вагонам. Разместились быстро мы, как и положено в военном времени. Не знаем, куда конкретно едем... И спохватываемся по всему вагону.

Стена темна.

Хорошо, что место оказалось. У нас все сидели как кустарнички кое-как между ними, а тут, у деревни, где сгруппились нас, — розовая стень, точно стоял. Ни деревни, ни кустика. Колочки, полынь да ковыль. Земля звенит под лопатой, будто стальная, но берется на штаны, хоть пахнущие.

— Товарищ помкомвоздова, не копается!

— А ты на землю поплы?!

— Живо, помкомвоздов, — говорит Гвоздилин.

— Тебе по то место, так это, Гвоздилин.

— Да вода, работа пойдет!

А у Таранухи у самого уши обвисли, как срубленный молчай. Столбут он слону, будто горькое лекарство, погладил жалким взглядом на водокашку иадеком и говорит:

— Видишь, что там дается!

У водокашки же лесенодорожная давка натуриальная. Звон оттуда несется, крик, мелькают ветры, котлы, банки высекаются, бачки. Воду посыпанные получают, а наши Андрюха,

Бомбейка

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

конечно, в хвосте тончется. Здорово! он парен, да рожки, будет стоять дотемна и котелка не наберет.

— Позади отлучиться, помкомзвод, добуду водички, слово дам!

— Приказ знаешь? — пытает Тарануха. — Пока не отработаю, не сяду на шнагу.

— Да, про это я приказ — подчиняюсь, — если не знает что — наряд вне очеди на позициях не назначишь. Но тут лейтенант Михеев ему на помощь пришел. Истребок свалился он на меня.

— Это что обсуждает приказ? — заклокотал он. — Спать Гвоздилкин?

— Отпустите за водой, товарищ лейтенант, — отвечу ему. — Белых еще день просторят у водопровода.

— Делайте, что приказано, Гвоздилкин! — небривший меня юнкер.

— А если я не заместить скажу туда, помогу Андрею? — спрашивала. — По глотку воды — и оживем все!

Сказал я про воду, и вдруг его ястребковые зенки подкатились под лоб, а лицо ковыльный цвет приобрело. Снова наш взводный не дно окопчика, вроде невидимым снайпер его подкосил.

Прибежал спасибохуктор, у самого гимнастера, хоть выжимай.

— Солнечный удар, — сразу определи он. — Водички бы для компресса холодной.

— Ладно, понесли под тент, — командует ему сурохо Тарануха.

Тут я не выдержал. Только отошли они от нашего колена, схватил я котелок и побежал напрямик к водопроводу. Полнилный дух в горле поднял кисть из ноздрей вот-вот хлынет, а я бегу, как угорелый, к водопроводу: и самому хочется напиться, и лейтенант напомнил, и всем остальным по глотку раздать, и не попасть в трибунал!

Какой-то перебитованный танкист кричит мне:

— Куда прешь? Рама! Не видишь?!

А я не пойму, чего он боится. Крутится над стволом, смотрит вправо, влево, в хвосте кресты белые по боярам. Ясно, немцы тоже стреляют по нашему. Вроде тоже туже захотел: спикировал на самую водопроводку, чтобы перекладиной на хвосте за шильцем не заделился. Разбежались водоносы с бричками своим, в ямы попадали к стене водопроводки прижались. У кого винтовка была, стрелял по раме начали: «Пап! Бах! Трал!..» А рама покачалась и утесла кудато вправо.

Я воспользовался моментом — кинулся к руке. Да не тут было. Живая очередь передо мной выросла, как из-под земли. Проблизился к руке, пробую котелок под струю подставить.

— Куда лезешь?

— Братцы, позвольте! Задержусь — трибунал ведь!

Приблизившись, начали помаленьку расступись. И тут мы стал волок замыкала над головой. Земля дрогнула, будто почкула над собой страшную силу.

— Немец летит!

Очередь — в разные стороны. Меня тоже прошибло до подметок, но тут мысль струнула: «Воды наберу — вину смычу в случае чего!»

Подставил я котелок, наклонил наполнил его до краев, крымской прикрылся и кинулся убегать за водопровод. И вдруг — вину смычу самолет пальтился бежать. Но насквозь меня ранил. И тут укуло. Далеко разбралась бомба, влез сквозь ноги. Но земля под ногами, как ватная, колыхнулась. И опять зачалилась, как кисель, и снова задергалась, будто жеребец на привязи.

А самолеты так и валиются сверху и, вроде как от погрома, освобождаются от бомб. Только от этих черных капелек земля с бугровьями к небу поднималась. Водопроводка подняла и развалила в воздухе.

Звон в ушах, синяк, рев, грохот. Куда бежать, непонятно. «Воду надо спасти», — мыслю, меня все же точит. И извода спасены в ней, и лейтенанта, и мое! А как не утерять котелок в этом аду? «Воронки! — сображаю. — Два раза в одно место не попадай!»

Метнулся я в ближнюю корону и скатился по склону к земле. А котелок в руках дернулся, как драгоценный предмет, поклонился. Помощь стала. Над ямкой волны проплыли. А теперь уж нормальными один за другим — гул нестерпимый. Людей не слышно, только опасные лошади носятся, а их щеки от вагонов дрогают да комы земли.

А у меня тихо до благодати в воронке. Даже как-то неловко стало, что лежу я в таком укрытии, а люди под бомбами лежат. Высыпалась сквозь воронку моя погиблая:

— Давай сюда! Место есть!

Выжку, чешет мимо воронки мадседстра. Глаза побелели — ничего впереди не видят, сумка санитарная будто летит за ней.

— Сюда, сестра! — кричу.

Она ноль внимания, на открытую степь чешет, юбочка задралась. «Что делать? — сображаю. — Надо лопить — погибнет баба». Свет-

деньская, как англичек, и руки беспомощно болтаются, будто от жены притворно побежали.

— Стой!

Выскочил я киперера его, лягнул и привалил землю для начальства. И над нами скополи — фюк-юк...

— Давай за мной, в воронку! — кричу под ухо сестре. — Ихнече кратче!

В глазах у нее омсмысленность появилась. Присподнила я и повел девчонку к своему убежищу.

Вдруг она меня дергает:

— Раненый!

Сама покидаю ее на землю. А там боц извивается вправо, кровь блещет из носа. Стон и сквозь воронку слышны.

— Помоги-и-и-и...

Я сестру в воронку ставлюю, а сам к ширинке бегу. Подхватыши ее, как куль, и в свою воронку несус ее.

Сестренка мои совсем очухалась, сумку свою разевала, рюкзаки складывала... Я ей в спальню носилась.

— Оглаждася — опять неделко бережит какой-то брат-пехотура. Я ему наперед. Схваты и этого, пришел я воронку. Потом еще одно из глазах наших скополи достал, приплющил волок и его в воронку, ибо гимнастерику в кровь уделал.

— Спасибо, браток.

Чего тащу... Знаю сам брешу... На кончи.

К кончи башку обута, в голове у лице я хил только остался. Тут я вспомнил, что сам ни капли еще не отжалебуд. Хотел приложиться, да краем глаза увидел водокашку. Вернее, что от нее осталось. Гура крипка, да дубры по-гнущие. Где теперь достанешь воды? А там у нас взводных может, помирас.

— Отбой! — слышны вдруг. — Отбой!

А мы не верим, что бомбезжко конец. Мой медсанбат не собирается гибнуть, — говорю.

— Ладно, — говорит за меня командир, — говорю сестре, а сам котелку в руки и в скопол.

Санитарную телегу встретила, показал им направление к своей воронке, а сам дальше побежал.

Окопов наших не узнать. Земли возле них наворочено, воронок, рты! Вроде ни одного человека в живы не должно остаться. Нет, виджу, шевелящихся ребят. Закуря винтовку, гребешком, — честно, хоть толк пробийт откладывают. И всем этим рукожопит нас взводной в перчатченной гимнастике. Лицо у него зеленое, но глаза светятся, как у ястреба.

— Нарушила приказ, Гвоздильин, — встречают меня лейтенант. — Пеняй теперь на себя, Михаил...

— Да и все было прище, — отвечал... Для вас, товарищ лейтенант.

Он покраснел, как перепуганный, увидел себя там в воде и не может оторваться. Лизнув языком потрескавшиеся губы и покосился на меня.

— Пейте, — говорю, — а то опять солнце хватит.

— Нет, — отвечает мой взводный хмуро, — раненых у нас трое... Неси им. Белых и ведра погорел и ранение получили в ногу...

Я вижу, отходит лейтенант, наорая я его вбоди.

— Между прочим, — добавляю, — водокашку разбомбило в пух и прах... Танцы воды не избрыта.

— Я бы простил тебя, Гвоздильин, — совсем хмуро отвечает мири взводный, — да засекли тебя с КНП... Саха генерал интересовался твоим именем... Звонили на штабы... Пришли сказали... В общем, пеняй теперь на себя.

У меня чуть-чуть отшибло уколом взул на руке. Я сжал ее, присвист, видно, к изрывам. После туда, откуда стояла, дескожась.

— Водички! Браток, водки...

Андираж мой лежит на щинелке, и рот у него открыт, как у сома на берегу.

— Миша, вот... разнюка...

— Ничего, очищавшись... На-и, глотки водички... Да не виши, другим оставь!

И попел назад, в окно свой. Там на бруствере дозорные выставлены бойцы с Таранухой. Протягиваю пистолет к голове.

— Кури, Михаил...

Запах табака не переносил я до тех пор. А ту затянулся, как последний курек. До земли в глазах наукарился.

— Неужто его под трибунал? — заводится разговор.

— Не должны бы вроде... солидно отвечает Тарануха. — Вою Гвоздильин кровью вину искупит. Польца все же жи от бойца.

— Даите бумаги листик и карандан! — пере-

бил тут я помкомваздуха. — Написать надо на всякий случай домой...

Тарануха дает мне листок тетрадочный, кто-то химический карандин противает. Устился я и написал на немписьмо, да задал командил:

— Стройтесь!

Сердце у меня скнуло: все, пропал! Я жалко, письма не дописал. Жена вся правды не узнает. Дети будут иметь отца стыдиться.

— За меня потом донешени, если что... — шепчу я Таранухе. — Как было, обсажаш...

— Исполним ее, как должно, — отвечает Тарануха.

Сержант в дес ширинки становился.

Я во вторую ширинку становился, чтобы на глазах не быть у наших командиров.

Смотрим, стоя выше листом красным сукном, занави, то есть командир полка, понявляет весь его штаб, а потом и сам генерал Моросов. В бурке своей, вроде жара ему ничем, и маузер в деревянной кобуре высывается из под полы.

— Герои-герои, товарищи бойцы! — обращается генерал в полу.

Базарные жалеем, товарищ генерал! — бодро отвечает полк.

Заскрипели зубы у генерала, начал он говорить, про первое боевое крещение и как наша часть выдержала его. И с лицом, поздравляет нас полк с первым бомбажкой, хотя и отмечает отдельные недостатки, и, примерно, отсутствие сообразительности у некоторых бойцов и командиров.

И особенно наглаждю повели себя, кто был у водокашки... — объявляет генерал, — стадо бара-нов, да и только...

Смех по ширенкам разнесся. А у меня мурзаки по телу. «Все», — думают, — настает очередь отвест держать.

— И в связи с этим хочу особенно выделить бойца Гвоздильина Михаила Александровича!

Миша Гвоздильин куплен от фугаса. Ноги отмыты, подшоны, душены, клемы пропали.

— Рядовой Гвоздильин, выйти из строя!

Тарануха уж покерничил весь рядом со мной.

— Иди, Миша, с боя-...»

Делает нечего, надо идти. Выходим на строя, как положено, только внутри вроде выжжено все у меня — пустота сплюшная. Развернулся перед строем я и увидел глаза всего полка. В них я видел искру искрилась.

— Товарищ бойцы! — раздастся голос генерала в стечии типи.

— Стало во пример рядового Гвоздильина, который в сегодняшней ситуации проявил себя с самой хорошей стороны, как подбает бойцу нашей сибирской дивизии!

Я слышу и не верю, боясь ошибиться. Нет, смотрю, у Таранухи усы распрымились, и взводный на лице с лица отшат — румянец появился.

Генерал продолжает говорить, что я не растворялся, испытывая воронку, но не только сам убрался, но и нескольких бойцов спас. И дальше...

— От имени Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик рядовой Гвоздильин Михаил Александрович, — объявляет генерал, — награждается медалью «За отвагу»!

Я держусь на всех силах, чтобы не упасть. Тут генерал сам подходит ко мне и прикладывает кованую медальку к моей гимнастике, а она в сили на патках кричит.

— Спасибо, сыно! — Генерал руку мне подал так, что очутился я сразу.

— Спасибо, сэр! — говорит Гвоздильин от своего места.

Зашел я в свою спальню и вдруг вторую бомбажку выдергиваю. Скомандовал: «Вольно, разойдись!» — а я идти больше не могу. Свалился на землю, не окури мени нации. Массаж мне такой устроил, что окончательно и очунлся.

Заводились подоленки в посыденном очеред, на медаль изглинил их теми под козыречком фуражке.

На фронте всяко, конечно, слушается, — говорят, — но ты не думай, Гвоздильин, что каждый раз будешь отхватывать по медали за нарушение приказа...

— Есть не думать, товарищ лейтенант! — отчеканивал я.

А Тарануха миг и рот самокрутку толкает в дна пальца толщиной.

— Ладно, не корюхись, — советует, — а то нариде мне очереди склоничноша... Помни, по какой реечке ходил!

Я до сих пор помню все, что с войной связано у меня, особенно с первой бомбажкой...

И. РОТИН

ВСЕ МОИ СОВРЕМЕННИКИ

Не по форме
написанная автобиография

В Центральном партийном архиве в фонде Общества старых большевиков я нашел папку под номером 17/26.

Написан на обложке: «Седой-Литвин Зиновий Яковлевич».

Среди бумаг лежит автобиография. Она тоже могла быть суворой и краткой, словно бы заученной, какими всегда бывают написанных по тайному поздраву автобиографии, поэтические анекдоты о чём-нибудь добродебе.

А эта написана по-человечески, без оправдания, вовсе не заученная, не спортивная. Несмотря на краткость, она интересна.

Давно по форме Седой написал! Но отчего же?

Скорей всего этого человек просто не умел писать по-другому, не умел «заполнить», он мог рассказывать о себе только так, словно ему надо было распространяться, говорить, разяснять смысл жизни, пусть на примере жизни собственной.

«Работы — моя повседневная задача. У всех рабочих слушают, мешают сидеть, — писал в письме к Маргариту Тупликину в Коломене, у город завода, узника. Начинает погонги... В середине марта 1921 года в Коломенской больнице Головдина с Сретенской части, Бутырская больница, затем Таганская, норнический университет для рабочих...»

Но вот забастовка, а затем и революция, — пишет Седой в письме к Маргарите Тупликиной. Красные песни дают! С гордотом падают трупами в Коломене, у город завода, узника.

Начинает погонги... Улицы... песни... выстрелы... Университет. Таганько, Сретенский и Коломенский.

Погорхоня Бахмутаны, наше величие, наш прет Григорий Ольховатка...

Всё грече призыва и оружию. Бурят и давтяшону валиу...

Гавань! Гавань! Гавань! Тяжело дышать, — пишет Седой в письме к Маргарите Тупликиной. И это — год, где это здание было явившейся ответственности и ответи: начальником штаба боевых дружин встретил он тут отгремевший декабриз.

Одни ли эти, вершинные, страницы жизни так были опасны? Нет, к автобиографии З. Я. Литвин-Седого я привлекло внимание молодых читателей тем, потому, что тут драматичны и поучительны все эпизоды.

Даже те с виду будничные, рутинные, от которых даже далее было было не дышать, — пишет Седой в письме к Маргарите Тупликиной.

Да с половиной года в Поморье.

Седой, бывший николаевский солдат, служил сторожем на Коломенском заводе. В наледже на большой зарядработе переехал в Москву. «Как ни была цищенкою», — пишет Седой, — отсюда же, из Поморья, в город граверов, Гжатск.

Да с половиной года в Поморье.

Седой, бывший гравером, гравером, — пишет Седой в письме к Маргарите Тупликиной.

Задний ворот заводу дозволенность был узником Гумона, но рабочие меня устраивали на один из заводов под Москвой — Томиловским. Томиловский завод в 1885 году за обездвижи и познакомился с братьями Бойнз и с их группой через рабочего

Ниниту Голодного; получал книги, начиная все центральные газеты и письма, получая приватизацию... Всевидящий к нему и других из младенцев величайшему сожалению, арестован Боязнь и страх группы. Наш стопроцентный.

Новый кружок. Постложение взрослого политика. Первый арест, Басманный суд, допросы, побои. Высыпка в Колонию. Там, святое знамение с тиком наизнанку и к сокрушительному удару, никому, обнаруживший «фальшивку», сколько название не выплыло, в окнах было сидело и спать, чумы они. И вот тут-то, не пороге революционных борьбы, его настигает первый искуп.

В качестве поддонарщика он попадает в Калужскую губернию, в селе Полотняный Завод, воевавшим против земли. Ею избран Гончаров с интересами присоединяется к спасению юноши. Литвин с его помощью пишет статью — Гончаров ее редактирует — о деревенском театре и комедии Фонвизина «Недоросль». Отрывок из статьи напечатан журнала «Чачало».

Первая публикация! Понимательствующий членера Гончаров с любовью пишет статью, в которой упоминает о бывшем «Большом знатоке», «Большом мастерстве», «Большом мастерстве».

Литвин оставил учить, пробуй свое перво, твои задатки не загубятся в тюрьмах...

Наудача кончиком с польщеского нидзора, Литвин достает из калужских творческих паспортов и появляется в Москве.

Завод Густава Листа. Другой с испытанными революционными, Шлини засекают их встречи. Литвин, уходя от слежки, перебирается в Петербург.

Одним среди шумных отчужденности столицы. Разыскивает известных ему по Москве рабочих-металлистов. И тут снова жизнь подкладывает ему возможность постижения и даже близости к существу.

Дело в том, что из московских знакомых не все сбрасывали юношескую ненависть к завоевчикам и жандармам. Северная столица осталась ими.

«Большинство из них, хорошо учившихся и отошедших от развалин, не большая часть стала забывшинами, но нашла довольно серьезная группа, которая изменила имя и место, чтобы стать одним из петербургского «Сокола борьбы». И nim n я и примыв...»

Работа в Семёновской, Обухово, Симеоновской и Гальске. Затем Вутич и Гарднер, Семёновская, бывали и митинговали. Но все-таки мы чувствовали и сознавали, что это профессиональное училище в культурной среде, а также интеллигентную сущность с трудом пытаемую канию-нибудь прокламование...»

После третьего ареста, сидя в петербургской предварительной, он раздобыл учебники арифметики, грамматики, а также математики. Упорные, страстные занятия. Тяжелый режим одиночного заключения. Изувеченные жандармские допросы...

Потом было целая полоса подпольной работы в волжских городах. Она определяла его как революционера ленинского закалки.

«Прибыл туда из разгромленной парижской коммуны, «Явился к Якову Свердлову». Уже вырос в иправотности и в политическом отношении. Жил и вырос только ненавистью, но и сознанием...»

Так он предстал революционному разуму, взвешенному другому. Но именно школе революции открылся в нем его дарование.

Оказавшись себя бояцами всенародного разума, парижане, давшие им русскую революцию, рабочие-большевики вырастали в подлинных богоугодных духах и действиях, становились теми народными героями, о которых потом величальное слово скажет Ильин.

Последующие годы в подробно пересказывать не стану. Напишу же когда-нибудь книжку о Литвине-Седом! Дальше может, комсомольцы Трехгорки и соберут ее по строкам!

...Революция, фронт. Комиссар Седой — в пути к нему проскенническим рапортом. И «дядя» подаст прошение Трехгорки! Всё, сказал он, ЦИКС. Тысячи дел обступают его, одно другого, одно другого увлекающей. О том, что избрал он, последние строки автобиографии:

«Настрой капиталистической школы на уничтожение рабочего класса и подготовку свержения технического персонала на подстанции, детей рабочих и их семейства... На открытие тайной мастерской... Мы «выступили со стороны»... Мне, правда, хочется изобразить все это жаждой возвращения к жизни, но письмо не желанное — изобразить одиночку из «семьи»...»

Эта единственная в СССР школа носят почетное звание: «Школа Вооруженного восстания. 1905 года».

«Хочу жить и бороться за выполнение поставленных впереди задач, за третий революционный период в эпоху нового и противник видят экипажами».

Так для него скончалась эпоха первой русской революции с эпохой первой русской пятилетки.

Имя Вооруженного Восстания

— Зиновий Яновичевич, — спросили мы друг о друге, — вы, конечно, вроде бы обдиличи, куда направились?

— Не выбыли на больших революционных участках? — спросил я. — Вопрос, высказанный в простой беседе, некоторым людям запомнился с учащимися гимназиями, как будто память имела еще представления подростков. Но он и помнил, ответил вполне серьезно: — В первом же году я, конечно, действительно, меня давно знали в ВИХЗ и Орджоникидзе говорили со мной несомненно о том, что я буду борцовкой партии. Я в ответ всегда просил разрешение, мне делать то, что люблю, а знал, что сейчас придется разрешение просять у выпускников, кто научился на армейской политработе, и он отныне расходовал более всего на молодежь.

Слушала его рассказ про работу Литвин-Седого в текстильном техникуме («Мидиректорских хлопот, конечно, у него полно, а все-таки всегда он с мюзиклом: собрание курсистов — он здесь, комсомольский биоруд», — говорил он). А потом, когда я знала, что именно такой стиль старался усвоить Ефимов. Поэтому и заинтриговалась этим.

Рассказал о том, что Ефимов сам потом долгие годы ведал подготовкой молодых рабочих для Трехгорки, а теперь на комбинате руководил отделом кадров и технического обучения. Егор Александрович на усовещанную времену со мной согласился, зная меня, собой из-за моего интереса, захотел, чтобы я до конца диплома обучалась техникой с подписью Литвин-Седого, и я поняла, что этой подписью моя собеседница очень дорожила.

Мне поведали: Ефимова связывала с техникой не только его собственная ученица, но и семейная традиция. В прохоровской школе, потом передвижной, Литвин-Седой наставлял своего сына, учился от него тоже. А работал и Прокторову пришел еще дед его, Самсон Ефимов: было это, понятно, в прошлом веке. И отец и дед, речиши на дереву, готовили деревянную форму для набивки, так называемую цветку. Отца взяли в ученики, и о тогданих нравах он много шанса рассказать.

Вспомнила, например, учителя, хрониках становления, отмечавшиеся особой истинностью. Ученый-наводчик то ученика в лодке на Москву-реку и что весело мы, высадив, когда сошли на берег, и повесок на расправу: «Ефимову — двадцать плетей!»

Считалось, однако, что человеку очень повезло, если Проктор оставил его на ученике.

«Я честно пришел к Е. А. Ефимову, — признался в ученице сам, никто не «отпирал», сам сделай изменения. Но и если говорить о жизненных хрониках становления, то что отчесвиан и дердавская линии, особенно я изначально революционность овладела Ефимовым, — заявил Ефимов. Напротив, она жила Лукарик Семёнова Горечев, известная и всем, и Ефимову, и Ефимову от других участников пятого года, что самолетом, носом упнувшись в землю. Мы знали, что здесь похоронен красный летчик, который в гражданскую войну разбился на своем самолете «ньютоне» возле нашего города.

Гражданская война лишь краем завдала город: он был один из самых северных, близких к Москве

районов, и братии требуют от нас чисть, чтобы мы побоялись налететь на учбу...» — то по его горячности, искренности видно, было, что нет для него смысла зацикливаться на этом, потому что заложники его спасли, дозились на души. В тридцатом году открылся Трехгорский медленно, а потом, неожиданно, выступил Сарой затея и православной Пресеческим массовым действом, выгородившим деревенскую Трехгорку. Мне, правда, хотелось изобразить одиночку из «семьи»...»

Чистая связь к поколению гражданско-войной звенела в наше время, когда перед началом комсомольской борьбы в Ростове на Дону «имя «кояны бойцов» из бывших сих войск нарядило на изображение на парусах «Пресеческим» и на плакатах («символом»), а на яхтах борьбы — на «семье»...

Оказывается, между поколениями мне было дано ощущение поздней, в начале тридцатых годов, когда я работала в Трехгорском малярфабрике, в течение года под руководством Ефима-Литвин-Седого, в дальнейшем — партийным лидером — Литвин-Седой, Комсоморским и многие другие, семидесятого года (Подвойский), Завидове стругой шинель Николая Ильина Подвойского, мы говорили: «Наш партиприкрепленный идет». У него на кружках комбината всегда было много партийного-пропагандистского труда. Вспомнил помимо случая, когда он отказался заглянуть в редакцию «Знамени Трехгорки» и поговорить с рабочими.

И революционные эпохи уже воспринимались отделанными и близкими одновременно.

Отдаленным, должно быть, потому, что с началом рабочего движения с пятью и особенно с семидесятым годом революции Годом Рабочего и Ходильщика — камин-картины первых рабочих кружков, гравюры Серафимова и комсомольской, чайкою на полятизме — призванием прядильщицами.

Оказалось, что никто не опоздал родиться и что вообще с этим неизбежно — ни спешить, ни повременять, а надо с ясным осознанием исторической ответственности принимать на себя дела старших, кто принимают на себя народом.

И есть то, что особенное чувство, которое мы окрешили звездой, то оно не влагло, не воздыхательно; не сожалением оно побуждает — к действию.

Разве победа первых пятилеток меньше значила для судеб социализма, чем победа в гражданской войне?

Разве такоеаждыновое стремление, чтобы плодами становились ростки коммунизма, не есть лучшая дань героям Великой Отечественной?

Звезды

Напротив 81-й средней школы разместился историко-революционный музей Красной Пресни. Уроки истории нередко проводили там. Мне особенно запомнилось, как в музее, в ходе рассказа о яхте «кояны бойцов» об этом, Учителяница же истории Елена Михайлова Тупицына рассказала про пятый год primo в музейном зале, где так живо можно было вообразить себе участников боев на Кудриинской или на Горбатом мосту и пригнувшись к телу вставлявшихся со стороны фотографии Литвин-Седой...

Иrineя краивская история и литература, хотелось выучиться на историю. Но судьба девочки круто измени-

лась с началом войны. Уже 17 июля 1941 года ее отец, поместьера с ткацкой фабрики комбината «Трехгорная мануфактура», погиб под Смоленском. Инина тогда же ушла в больницу. Училась в восьмом—девятом классах, Инина жила одна и только потому не бросила школу, что рабочий коллектив «Трехгорки» всей ей заменил и помог.

Восемнадцать лет ей исполнилось за четыре месяца до окончания школы. Физически она стройная, депутат Народного Димитраполисского правительства, но выхлопотала сохранение пенсии Иине на эти месяцы. И к выпускному вечеру фабрика сшила ей платье...

Инина начала на фабрике копировщицей. Сейчас она старший инженер-конструктор отдела главного механика; текстильный институт окончила в 1957 году.

С коммунистической, руководительницей комсомольского кружка И. И. Карапетовой меня знакомит Ефимов. Он говорит, что ее кружок в партикоме на хорошем счету. Инина Иванова рассказывает мне про занятия с профессиональной увлеченностю; видно, что в партийном поручении есть что-то особенное, что тяготеет к истории, литературе, проблемам нравственного роста личности.

Учебы, роста нет, если не пристрастишь кружковцев к самостоятельному чтению, к глубоким раздумьям, над каждой страницей.

Сбор кружков по ленинской речи «О трудовой дисциплине» шел на фабрике, где работал Л. А. Гайдуков — помощник работника администрации — писатель, автор двух книг о писателе граммофонных пластинок. И вновь напряжение и любовно вслушивались в родной голос, где мощный разбег мысли смешчен милой картавиной...

В кружке — токари, слесари, копировщицы, конструкторы. Когда работали над «Великим почтением», встало перед глазами ряды своих субботников Тракторозавода (у Лейки Закировой, нынешнего комсомольского секретаря отдела главного механика, отец сорок пять лет проработал на отделочной фабрике, отец Сережи Мельникова руководил граверной мастерской и т. д.) и вместе с тем перед глазами освещились комсомольские субботники тех дней. Работа по великому почтению, учебная и практическая, была вторым этапом Ленинского занятия.

Мы идем с Ииной Ивановой посмотреть станок, на котором работал токарь отдела главного механика, Герой Советского Союза Анатолий Живов. Над станком — памятная доска. В красной рамке изображено изображение фотографии и документы машины и его семьи (отец Анатолия работал на Трехгорке водопроводчиком, а мать — уборщицей).

Есть памятная доска на ткацкой фабрике — там среди других мая отца Иини. Погиб Иван Филиппович тридцатидвухлетним, уйдя на фронт и пропав без вести. Изображение «Я же коммунист» — короткий обзорный он доложил свой поступок. И осталась у Иини вечная печаль (столыном людям теперь знакомая!), что не высказала у отца про его комсомольскую молодость, только помнит его рассказ, что был он воспитателем в той самой детской колонии, где снимали фильм «Лутика и жизнь».

Жалко тебе, деточка, — сказала сразу токаревыши будней, там, где учишься, работаешь, живешь, испытывай крылатые минуты, когда с паразитальной отчужденностью осознаваешь себя звездышком в народе, а народ — в его неудержимом движении.

Веди если времена, как земли, окинуть взором с птичьего полета, удивляясь за теми, кто теми, девятнадцатый, а за нашими бурно-стремительным веком — красные зори двадцать первого...

РАКЕТЫ НАД ОСТРОВОМ

Лев БРАНДИН,

инженер

Фото автора

Все покинули ангар. Красная дуга сигнальной ракеты — остается минута до старта. Напряженное ожидание проходит в полной тишине. И вот спешащая вспышка вырывается из темноты ангаря. Фигуры людей и сугробы снега. Ракета, помедлив мгновение, стремительно взмывает в небо, опершись

на изящную огненную струю. Наземные остаются грохот и клубы дыма. Запуск метеорологической ракеты — это многое суток кропотливой подготовки, отладки всех систем...

Мы идем к леду, отворачиваясь от свирепого ветра. Шестые сутки тут погода. Ветер неистово гонит сухие сугробы с северной стороны. Морозы трещат досками. Мы находимся на длинных косынках заснущих, которые словно растут на глазах. Впереди сквозь снежные потоки пробиваются огни поселка.

Еще не улеглось волнение, связанное с запуском. Научный руководитель запуска Юрий Тулунов возбужденно спорит с техническим руководителем ракеты Михаилом Григорьевичем Юрьи. Удачно еще во время учебы в Московском университете. Здесь он испытывает приборы на отечественных ракетах, которые доставляют их на высоту 160—180 километров. После обработки результатов измерений новые данные о составе, давлении и температуре верхней атмосферы будут тщательно изучены, сопоставлены с аналогичными результатами.

Уже видны огни нашей команда-ны, которую здесь называют просто «пакбумом». Прятаны после бесконечной ночи принты сюда. Шумной толпой вваливаются на камбуз. Началась новая ночь.

Мы живем на острове Хейса, затерянном в арктическом Эскимосии Франца-

Иосифа, или ЗФИ, как ее называют полярники и полярники. Здесь, за 80° морозом северной широты, находится крупнейшая, самая северная в мире обсерватория «Дружная». Кроме обычного в Арктике комплекса наблюдений, на острове имеется краеведческий музей, научно-исследовательский институт, передающий людям самую разнообразную информацию о вершине атмосферы.

Наш остров около 20 километров в периметре. В 1957 году во время Международного геофизического года полярная станция из бутыл Тихой воды перенесена сюда. Поселок, выросший на севере острова, на берегу пресноводного озера, стал однажды самым большим поселком Арктики. На склоне пространства, прибрежных приустьях великолепно оборудованных лабораторий и станции. Теперь здесь живут и работают около ста полярников и среди них специалисты различных институтов Гидрометеослужбы и Академии наук СССР. Собранный материал используется потом в лабораториях из Бордо, Парижа, Гарварда.

Арктическая ночь, наступавшая в середине октября, сковала склон холмов море; громады ансбюргов застыли в пропахе. Солнце больше не заглядывает к нам: вместо него в ясные дни светит пурпур из двери прикладываемая игра полярных сияний завораживает даже бывальных полярников.

Иногда в ясную погоду по всем обсерваториям разносится: «дросс». Сразу же начинается подготовка к встрече самолета, замигают соларии в бочках, обозначающих место сброса. Слышится гул мотора. Показалась гость из Диксиона. Мешки с почтой летят на лед озера. На камбуз уже сбрасывают провизию. Прерывается демонстрация фильмов в кабинете бильярда, глаза румяны полны ожидания и тревоги. Какое счастье получут весточки из дома!

Север любит сильных. Полярники, кроме своих основных работ, должны выполнять и обычную, повседневную, без которой невозможно само существование в Арктике. Мы должны немедленно принять ванну для квакозита из озера, чистить снег, заготавливать уголь и дрова для котла, завозить бочки с солариком для дизель-электростанции и т. д.

Праздники же на острове отменяются торжественно. Вспоминается один праздничный день. Еще накануне комсомольские установили около камбуза маечи. Все свободные от вахт полярники пришли в луну. Над островом моряки привели в движение и переворачивали золото полярного скандинава. К флагштоку подожгли две женщины: самая молодая — комсомолка арктической обсерватории Наташа Волкова и комсомолка 30-х годов, ветеран Арктики Людмила Николаевна Ольхина. Праздничные подражания держались до Февральской, освещавшей подиум красноармейские полотнища флага. Так праздновали 50-летие Ленинского комсомола — на нашем острове.

Есть в Арктике слова праздники, которых нет в календаре. Это День восхода солнца. В ясную погоду можно увидеть краешек аркто-бронзового диска над грядой остроноженных склонов.

С этого дня солнце все дальше зайдет, скользя над промерзшим землем. скоро начнется полярное лето. Пройдет еще три месяца в преддверии короткого полярного лета. Солнце после долгого отсутствия круплые сутки греет наш островок. Все полярники стремятся использовать каждый солнечный денек, загорая в тихих, блюсторонних местах.

Август кончается арктическое лето. Пришел корабль с новым сменой полярников, и мы покидаем остров, ставший нам вторым домом.

В пусковом ангаре.

Подготовка головных частей ракеты.

ШАДЕРГУКА ОД

Ольга КУЧИНА

Tо, что вы ставите сейчас читать,— записки разных лет, из десяти толстых тетрадей. Их автор — врач из Подмосковья Лариса Е. Дике с разной степенью искренности. Написаны они были способом ведения дневника, всегда из двух дниги возникала мысль о его вероятном читателе. Так или иначе, почтенному из вас хочется духовно проникнуться в жизни других, в будущей жизни. Поэтому, кажется, даже наедине с самим собой труда быть до конца искренним, честным и саморефлективным.

Дневник Ларисы достоин внимания. Важно то, что сама она по степени неистощима, сама может бы по степени неистощима. Умите, что перед вами живой человек с известными достоинствами, но и недостатками, характер развивающейся и противоречивой.

Несомненно, что Лариса Е.— ярица индивидуальности. К сожалению, некоторые черты индивидуализма, свойственные ее характеру, подчас делают ее замкнутой, мешают открытым и доброжелательным общением с товарищами, с коллегами.

Особенность этого дневника в том, что он записывается не во след за событий, а по следам размышлений. Некие факты внешней биографии зафиксированы здесь, но события биографии внутренней, диалектики души, диалектика характера.

Главная ценность этих записей, на наш взгляд, в том, что по ним видно, как ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЛ СЕБЯ САМ.

1 КУРС

24 октября. Вопрос о совершенствовании стоит и будет, наверное, стоять перед моей всю жизнь. Все-таки я добилась успеха в жизни, но... Таня, моя девочка, очень замкнута по сравнению с десятью классами. Я это тоже внутрь чувствую: стала менее раздражительной, более выдержанной, внимательной к людям, добре, более волевой... Перемены в моем характере проявлялись, и в отношении родителей. Я поняла, что они мне сделали и делают хорошее, заботясь обо мне. Но по кому и ни по кому так не соскучилась, как по нашему маленькому другу и наставнику.

Отец Ларисы — рабочий на заводе, мать — регистратор в письменнике. Неизгладимые, но очень хорошие, душевные люди.

Позже Лариса рассказывала мне про новые домашние конфликты. Она уже работала в родном городе врачом, вышла замуж, у нее родилась дочка. Мать ворчала, когда они садились к столу: «бабье не спирено»; когда слушала музыку: «бабье» бы гудело, чайник варил на плите — на плавуны тянуло. Лариса отвечала: «бабы» не суются, а музыка, радость в душе оставляет».

Испускство и человек. Из взаимоотношения. Как открыть перед молодым мир прекрасного, как помочь им отыскать дорогу к искусству? Об этом спорят искусствоведы и педагоги, психологи и социологи. Продумываются программы университетов культуры, устраиваются экскурсии, организуются вечера. Может быть, все это нужно, но сам-то человек что он?

17 февраля. Что я должна сделать за пять лет в Москве?

1. Совершенствовать изучить театр, историю отдельных театров (Большого, Малого, оперетты, имени Станиславского и Немировича-Данченко, Ермоловой и т. д.), изучить биографии знаменитостей прошлого и настоящего, посмотреть главные вещи из репертуара этих театров и т. д.

2. Совершенствовать изучить музыку: композиторов всех веков и народов, их главные музыкальные произведения; историю музыки, ее исполнителей, прошлых и в особенности настоящих.

3. Неучиться играть на пианино.

4. В совершенстве изучить Третьяковскую галерею. Вообще научиться «читать» картины, понимать живопись и скульптуру.

5. В совершенстве изучить литературу: зарубежную и классическую.

6. Научиться петь, вязать, вышивать.

Это программа на пять лет.

Что же я могу предложить, а то, что я могу предложить, семью приехал в Москву. Стоянка. От нее надо взять все — это ясно. А что дальше? Каждый понимает это по-разному. Лариса считала так: широкое, глубокое самообразование.

Мы говорим, иногда: интеллигент в первом поколении. Да, вот она, Лариса, станет таким интеллигентом. Попав в Москву, она жадно и одержимо, порой, может быть, наивно впитывая в себя достижения мировой и отечественной культуры. Но разве это не благородная одержимость!

2 КУРС

1 декабря. Сегодня почувствовала очень остро, какую цель я должна каким образом достичь. С утра читала «Удивительную жизнь человека». С утра читала «Удивительную жизнь человека». Атмосфера, давшая полное удовлетворение, творческий, нумизматический людям. Труд — основа моральных качеств человека. Развивать себя — тоже труд. Я сама чувствую, что если не работаю как следует, становлюсь наивного жука. Я хочу все знать, но желания мало, надо работать.

7 декабря. Говорят, не рождается красивой, а рождается счастливой. Но я родилась счастливой. Я родилась счастливой, чтобы это меня удивило, чтобы я была наивного счастливее. Природа одарила, вложила в мое тело такую душу. Нет, нет, это не хвастество и не преувеличение. Наблюдая людей, я редко вижу таких же, как я. И это не назойство, я впервые пишу об этом, много перед этим передумала... Как я хочу уметь играть! Я вложила бы в музыку всю душу. Часто думаю о том, как присоединиться к клавишам! «Я особенная», — говорят, — «я одна, вся». Готова погибнуть от этого повтора. Мне надо ради этого повтора. Но это написаны горы литературы. А перед людьми, входящими в жизнь, вступающими в полусознание собеса как личности, они эти вопросы, вставят вновь и вновь. Где истинна? Что хорошо!: как все мы не как все! Где кончается трезвая оценка и начинаются самодовольство? Как все мы не как все! Где кончается глубина и начинается прегарность!

Образование и искусство, самообразование Ларисы сопровождались напряженным раздумьем над нравственными проблемами, над духовным содержанием собственной личности.

3 КУРС

17 сентября. Странная штука — жизнь. Разве я когда-нибудь думала, что буду сидеть в Москве, в захолустной квартире в Армянском переулке, и ждать своего педагога по музыке?

4 ноября. Интересно, так будет всю жизнь? Сложно, умеренно, равнодушно, ни переживания, ни волнений, ни радости, ни ненависти, ни всеобщей любви. Но я не хочу, чтобы это было так. Я хочу, чтобы это было радостью.

Очень жаль, что я не смогла попасть из-за музыки на целинку. Уверена, что этого не было бы. Я уже отвлекла от простой, смешливой публики, привыкнула к другой — строгой, правильной, нынешней не ущемляющей ни других, ни себя. И сама стала такая: колодная, равнодушная ко всему и ко всем, внутри пустая. Одни хмурят для других, другие для себя. Я хотела второго, но получила первого. Идея, начинки с глазами, мечтами, с медитацией. Что меня в ней удивляет? Мозг. Поэтому я должна побольшествовать в этой области побольше. Музыка. Продолжать заниматься усердием и старательно. Самой заниматься 2 часа в сутки специальностью и 1 час теорией. Продолжать изучать творчество композиторов. В театр и на симфонические концерты ходить каждую неделю. По воскресеньям — музей. Литература. Начала читать западную литературу (Стендаля), про-

весь. Другое общение необходимо человеку. Это новая пища для ума и сердца, обогащающие своих острых углов, изменяющие темы, что открыты для меня, улучшающие мое привычное.

Но... такое общение, самообразование общественно и начинаясь пустое времепрепровождением! Когда замытость, прописывающая из словной внутренней работы человека, переходит в эпизоды, черствость по отношению к другим людям! Где требовательность к иным, а где нетерпимость к ним, непонимание! Но Сосредоточение на собственном внутреннем мире — плавдторно это глупейшее!

Зимой я мастерилась из раздражий Ларисы. Конечно, видеть, что опыт чужой жизни даст две ответы, несложно. Но, может быть, он приближит нас собственным поискам решений?

16 декабря. Как красиво жить! быть веселой и энергичной — не в веселье, а именно в занятиях, то есть ликорадкой, как можно смеяло и ярче познавать, сбросить лене, усталость, кислоту, быть жизнерадостной! Все можно успеть, если жить и заниматься!

Несколько лет назад однокурсники собирались к вечеру встречи. Кто-то сказал Ларисе: «Мы бы так и завоевали: мальчишек, все время кутаясь в куртки и переписывая книжки».

В этом неумелом стремлении к занятиям, в постоянной работе мысли — ключ к натуре Ларисы. Но пока маленькой студентки 20 лет...

7 марта. Вот выходит: на людей поглядеть нельзя, на себя — все поглядеть на себя, а главное, не смотреть, что кто делает, а делать так, как сама считаешь нумизмат, пускай это будет даже хуже, чем у других.

А потому не надо стараться понравиться, а для этого уникнуть, говорить неправду. Со мной это редко, но бывает. Нуину быть естественной.

2 апреля. Неожиданно поняла, почему у меня такое отвратительное настроение. Всем ноги сложены, заняты от предела музыкой, институтом, школой, а я не могу, не могу больше жить одним умом. Я хочу еще жить сердцем.

4 августа. Самое главное, что я все время ищу какой-то смысл в жизни, я не могу быть спокойной, когда у меня бесконечно проходит хотя бы час. Если жить так, что лица бы прожить, лучше вообще не жить.

8 августа. Мне надо постоянно находиться на людях, тогда я меньше думаю о себе, своих прокопаниях. Мне надо заниматься делами.

Новая запись — новый вопрос. Собственно, иначе, человеческого духа есть средоточие «вечных, общечеловеческих вопросов, заново вставших перед национальными поколениями, перед каждым человеком». Но размышления — проверять делом. Размышление без дела — вялые, неизъяснимые, едва родившиеся на свет, как такие трогательные цветы. Можно сколько угодно умно говорить о любви, но если не сказать, что это такое, не донести до членов племени, будет скромной книжкой Обломова, фигуры, в общедраматической. [Вчитайтесь, всмотритесь заново в этого гончарского героя — вы почувствуете удивительную сознательность его иных сегодняшними настроениями.]

Однако есть и другая опасность. Дело без размышлений. Есть ведь люди, так и не научившиеся думать. Деловые, не созидающиеся. Они-то уж совсем бесполезны для будущего.

Очень интересный гармоничный соединение мысли и действия — задача всей личности. Одни из путей и этому, к совершенствованию себя — эстетическое самообразование.

17 августа. Проблемы самообразования давно стоят перед мной, но я неправильно подхожу к ее разрешению. Я начертила себе большую путь, но уступки в нем очень велики — наслаждение. Поэтому я должна перегородить наслаждение. Идея, начинки с глазами, мечтами, с медитацией. Что меня в ней удивляет? Мозг. Поэтому я должна побольшествовать в этой области побольше. Музыка. Продолжать заниматься усердием и старательно. Самой заниматься 2 часа в сутки специальностью и 1 час теорией. Продолжать изучать творчество композиторов. В театр и на симфонические концерты ходить каждую неделю. По воскресеньям — музей. Литература. Начала читать западную литературу (Стендаля), про-

НОГО ХАРАКТЕРА

должен. Спорт. Хочу научиться плавать. Ходить осенью и весной в походы. Зимой — коньки и лыжи. В области человеческих отношений протоколировать ничего нельзя, поэтому тут предоставим все его величеству случаю. Моя цель — стать умно-разумным человеком.

Я подумалось в первой четверти занесено три программы по самообразованию, во второй — четырь, в третий — в четвертой — семнадцати [уже не только планов, но и итогов], в пятой — одиннадцать и т. д. В первых — юношеской максимализации, глобальности задач, но и в последних — это маленькие. Позже Лариса замечает мысль Джона Лондона: «Любезная всегда любит, а глупая — не любит».

35 августа. Последний день отпуска. Звонту еду в Москву. Где буду жить, никто, знаю, что как будущий. Представляю сейчас сама себе челявеком, выходящим свободно и независимо ни от кого на дорогу жизни, с уверенностью о окружающим, но и с полным чувством собственного достоинства.

4 КУРС

25 сентября. Хочу описать один мой день. Встал в 7, выхожу в 8 и остановлен 82-го автобуса, в 9 я уже за городом. Сижу у магазина «Вестник», купил хлеб, колбасу. Оборонка: теплый, заброшенный сад, поисковавшийся двухэтажный дом, ванварда и разбитый рояль, сама старушка сирена, драмы, училась в консерватории в 1905 году, видела Римского-Корсакова и постановку «Нащата» сыгравших учеников консерватории — в общем, все то, что я перед этим прочла в книге Генриха «Воспоминания о Римском-Корсакове». Ну так вот. Позанимавшись два часа с ней, я довольно обрадован, без малейшего желания. Затем занялся в 9 до 10.30. Приезжаю в 11.30 домой, ужиную и замерзто в постели. По дороге читают книжки. Большое время нет. Зато настроение бодрое и веселое...

15 декабря. Были тяжелые времена. Я жила на квартире у чертыхов и злыx людей. За инструментами, которые я привезла из Америки, требовали деньги, терпели с маком цементный бетон в кухне, а иногда приходилось все переносить из-за их приставок. Денег было мало, существовала впроголодь. Вылезло: человек никогда не должен хныкать, не должен терять чувство чести, обязан сохранять выдержку и презрение к неудачам.

17 декабря. Хочу записаться для себя ради правил:

1. Быть всегда добросовестно, по отношению к себе и другим, корректно, честно, — это всегда всегда.

2. Быть естественной, такой, какая есть в данном минуту, не строить из себя умного человека — это признак глупости.

3. Быть синхронизированным и людям, не обращая внимания на их недостатки, не возмущаться ими и не делать замечаний — от этого они лучше не будут, недостатки исправляются не так.

4. Больше жить в себе, это дает большую свободу, независимость, самостоятельность, устойчивость.

5. Каждый факт своей жизни рассматривать с точки зрения удовольствия, удовлетворения, человечности. Вообще смотреть на вещи шире, с перспективой.

6. Каждым предметом заниматься систематически и начинать с азов.

7. Уметь выделить главное, на сегодняшний день и на завтрашний, это главное, второстепенное в оставшемся времени.

4 января. На обложке дневника буду ставить черточки, обозначающие блестящие дни.

13 января. Настраиваю у меня чудное. По-

коиной, медленно, наслаждаясь погодой, какой бы она ни была, потому что в любой погоде есть своя прелест. На все мелочи смотрю сквозь пальцы.

Поступать по «хочу», а не по «хотят». У Ларисы с матерью и сестрой, со своим мужем для себя с известными даже называлось это «занятье романтикой и упрекание драгоценного качества — когда чувство долга, величие ума становятся внутренней потребностью, при этом она вовсе не сударя, не «сияющий чулоко», а нормальный живой человек.

5 марта. Живу в общежитии уже полмесяца. Многое нравится, что имею свободу, полноценную жизнь. К сожалению, на данный момент приехал только мой муж Юрий. Мы не часто находим темы для разговоров, что я поразила. Впервые встретила человека, с которым у нас так много одинакового: принципов, взглядов, сущностей. Отношу его к разряду людей, для меня замечательных. Впервые высказала ему мысль о книге, которую хотела бы написать. Он подтвердил меня. А музыканта? Мы одновременно бросились вспоминать, когда слышали что-то поразительное. А потом вспомнили, что такое... Все-таки жизнь связала меня с тем, кого я так искала. Но девчонка, к которой он приезжал...

27 марта. Я с малых лет была больна частолобием, жалела, чтобы меня любили и уважали и в то же время хотела стать человеком с независимым характером. Как это осуществить, я не знала. Инстинктивно много читала, слушала — это в какой-то мере выразило мою страсть заурядной книжки. И вспоминала, что я и пошла по пути заостления. Но это удавалось только в детском возрасте. Когда же мы подросли, меня неуважали за эту чурку. Тогда я стала ужготь всем подряд, но и здесь потерпела фiasco. У меня были такие несомненные сканки: или я думала, что выше всех людей, или наоборот, что ниже. Помню очень хороший то мучительное чувство, которое владело мной постоянно, если я кому противопоставляла свою личность.

Пришла в Москву, в институт, я была увлечена новой жизнью, занялась бурной общественной деятельностью, мени полюбили. Но потом все изменилось. Я стала подражать Тане, а мне никогда не удавалось быть настоящей, если я шла вразрез со своим внутренним миром. Я снова была фальшивым, ужготь всем. Не считаясь с собственным мнением, дорожила только мнением окружающих и много делала против себя. Так продолжалось около года.

Теперь вот что я такое. Я величина. Поступаю по величине совести, в мелочах уступаю, в принципиальных вопросах нет. Об угоддении не может быть и речи. Не лезу ни кому со своими хорошими мыслями и знаниями, не спорю по дурацким вопросам. Смеюсь, когда весело. рассказываю, когда спросят. Никому не отказываю, если моих сил хватает для этого. Если у кого-то больше сил, то прямиком к нему. Друзья, окружающие меня, не всегда соответствуют моим внутренним потребностям. Но я живу среди них, следовательно, нужно с ними считаться.

Любопытно следить не только, как меняется Лариса, но и как развивается ее мышление, как улучшается проникновение в существа. Через два года автор будет еще жестче в оценке самого себя: «Ум средний. Кругозор широкий. Нервная система в порядке, тело здоровое. Любовь и испуг, постыдиться, исполниться, изобрести, любви и добра, но внутри этого. Красивая фигура — самовсевознавство. Понят мысли высокой, способности ограниченные. Не терплю бессмыслисти и отсутствие логики. Тицелевана. Внутренние способности рассчитаны только на занятие одним делом, плохо делать не люблю. Большая разница между внешним поведением и внутренним содержанием. Сильно развито чувство прекрасного. Нет страха, свободы, очень зависима от людской гориллы».

Не красавец характер! Беспорно. Но прямой взгляд на себя и свои недостатки — первая, хотя и самая трудная ступенька в самовоспитании.

24 августа. Главное — развитие ума, вкусы, языка. Ум. Для развития требуется: жизненные наблюдения за характерами окружающих людей, чтение книг, размышления. Вкус. Чтобы развити-

его, надо много сравнивать, а много сравнивать можно только тогда, когда много видишь, слышишь, ощущаешь. Вкус воспитывается с познанием искусства во всех его формах: литературы, живописи, музыки, архитектуры. Жаль. Здесь нужен постоянный тренировка, следить за речью, забывать слова...

Иногда встречаешь такого эретического философа: не надо слишком много требовать от жизни, тогда все, что она дает, будет называться благом. Однажды же, в сущности, идет речь, когда говорят: человек без запросов счастливее человека с запросами.

Несколько позже. Лариса прибрала к рукам «свою самородковскую» книгу испустив: «Счастлив! Ох, нет. лучше бы без этого. Хороший дом, хорошая семья, работа — это еще человеку нужно! А это все берегут душу... Но вот как-то ездила в Москву на машине. Дома. И друг Чайковский по радио. И такие мысли забродили, и таине радость, и почувствовав себя Человеком...»

5 КУРС

14 июня. Мне уже 22 года, я стою на пороге самостоятельной жизни. Больше всего боюсь, устроить себе тепленькую, серенькую жизнь со всеми материальными достоинствами и лишней смысловой. Больше всегда боюсь опуститься до мещанства, когда будет удовлетворять работы «абы деньги прошли», семье с едой и тяжкими и содержащими сплетнями о знакомых.

13 июня. Практика в детском саду под Москвой. Вот уж где практика! Работа в детском саду — это участников виноват. Ни первокурсница школа с скостью замедленной съемки в кино, не выпускающая из рук спасителя. На первую мат на приеме смотрела со страхом. Теперь неменьшего освободилась. Что главное? Я полюбила свою профессию.

ОКОНЧЕН ИНСТИТУТ

2 августа. С момента осознания себя личностью с недавней жаждой познания. Эта страсть увеличивается с возрастом в геометрической прогрессии. Хочется задержать жизненное время, сделать значительные, удивительные вещи.

18 декабря. Конспект, который я вела в целях добиваться ее. Тот, кто живет интенсивной внутренней жизнью, то, говорит. Можно недоедать, недоспать, жить в бедности и быть счастливым. Так вот, надо добиваться именно этого счастья — счастья творчества, достигнутой цели. Я нашла свой смысл жизни и знаю, что за него бороться.

30 декабря. «Человек тогда интересен как личность, когда он выше обстоятельств».

Вот, наконец, я могу начинать новую жизнь для человека. Шесть лет, прошедшие в институте. Их можно было пронести по-разному. И вспоминают потом по-разному. Один вспоминает студенческие забавы, вечеринки, «выпустушки». Другой — новые, открытые им самим доказательства теорем или придуманные машинки. Третий — юношескую дружбу, выросшую в отношении, побывавшую отношениям Герценом и Огаревым. Четвертый, очевидно, неизвестный.

Для Ларисы студенческие годы стали временем интенсивного развития и становления личности. Самостоятельное, серьезное приобщение к искусству придало всей ее жизни особый смысл. Ибо именно искусство поднимает эмоциональную и интеллектуальную культуру, заставляет нас тягнуться к осмыслению жизни и своего места в ней. Искусство формирует душевный настрой, побуждает относиться к жизни глубоким его строкам. Оно воспитывает тонкость и глуботу, понимание других людей, понимание мира.

То, что открылось нам в дневнике Ларисы, — не пример ли для многих?

...Этот дневник пишется и посейчас. Одна из последних записей: «Сегодня проснувшись с мыслью: как жить дальше...»

Борис ПОЛЯКОВ,
Вячеслав СМИРНОВ (фото)

ЗАМПОЛИТ

Рассказ о том, как молодой коммунист, выпускник училища, начав

Анатолий Грачев — «хозяин» Порогов.

На границе все быстро текло. Еще недавно, всего лишь минуту назад, большой и сложный организм воинской части жил в ритме, который можно было бы назвать напряженно — спокойным. А спустя считанные мгновения, после звона в заслоны известишего прибытие краинской государственной гвардии замполита, этот ритм стал совершенно другим. Словно стоя на пути под паромы паровозов и вагут, посухумий опытной руке, стремительно, набирая скорость, ринулся вперед...

— У нас «есть», — сообщили с Порогов, куда мы собирались лететь. — Ведем преследование.

— Это уже второй «есть» на Порогах, — сказал командир части, задумчиво глядя на большую, во все стороны разбросанную окрест Порогов. — Сейчас наступит пятый. А Лосиной пешим переброситься в Глухую, пытается выскошить из западни, в которой оуткнется, и проскочить обратно к границе. По пятам его преследует наряд, а группа, поднятая по тревоге, перекрывает вероятные пути отхода...

— Кременческое испытание выпало для Грачева, — заметил начальник полигоном. — Всего месяц, как из училища. Начинал на заставе, ушел в отпуск, он как звездочка, так и вспыхнул...

— Это что, тот лейтенант, к которому налево приехали машины и инвентарь? — спросил коммандир. — Славная у него старушка, добрая. Да и девушка — прелесть. На звучный, слышал, переходит?

— Точно, — подтвердил начальник полигоном. — Будет кончики институт засою.

— А как у Грачева с квартирой?

— Сладкая у него скоро. К этому времени что-нибудь пойдет.

— Для молодого офицера, а для молодой семьи тем более много значит первые шаги на новом месте. А Грачев... — Командир раскаивал языком картины, и то тому, что он искаса поглядывал на красный кружок, обозначавший Каменные Пороги, было заметно, что, говоря о жилищных делах молодого офицера, он думает о событиях на границе. — Грачев — офицер, и мой взгляд, серебряный, кому неист, Правда, североморец, и услугами ему пригодятся, но есть в нем что-то с деревенским вроде человека. Где-то он, интересно, сейчас? Успел ли перекрыть выход из Глухой?

Подполковник Девяткин, как человек, хорошо знающий «свои» кадры, тоже был неплохого мнения о молодом замполите.

— Совсем горчичный! Едва-едва с училищного плацу-жару. Но цепкий, в деле хваткий. Правда, не очень-то любит Пороги, не любит видеть его... — подведет он мне. — Тоже хороши — сколовы, артели, медведи... А он мне: «Я, товарищи полковники, с детства люблю животных». И улыбается. Я принял языков и говорю: «Рад, что у них появился такой симпатичный защитник, а то охотников на него развелось больше, чем зверей». «М-да...», — посеребрился, отвечает он мне. — Только бы, товарищ подполковник, там, на Порогах, понравилась маме и Гале! Гляди, Галина, женат «Никак нет, пока невестки». И ушла. Запирала глаза, и ее было отправляться на учение. Утром же вахтенный-транспортером: офицеры окружили новичка и что-то с серебряным видом ему втолковывали. Догадываюсь: разыгрывают. Прислушалась, так и есть — «пушкают» Пороги-де — это такой гибкий медвежий угол, где солдаты не столько службу несут, сколько ссыревают ветром крышу на заставе, прикальзывают и от летающих в воздухе камней при-

чутся... «Неужели и вправду так?» — уточняет он у меня. Ведь я же благословила его на Пороги?

«Эх, — подумала, — молодо-зелено. Если поверка, что считай, что один—ноль в их пользу, «ладно», — говорит, — я отыграюсь». Не знаю, отыгралась он или нет, но на третий день услышала приятную новость: асистент Грачева здорово отличился на учениях и от начальника Главного управления построения и воспитания получил благодарность. А спустя две недели после того, как он заставил прина, вторая королевская весть: лейтенант Грачева опасного нарушителя задержали.

Кругло набирая высоту, переглядывал все выше и выше забирается в небо, в безоблачную синь. Курс — на Каменные Пороги.

Вниз стелется ровная степь, местами разукрашенная чахлыми кустиками и блекло-высохшими травами. Далеко впереди, сквозь облака из горных пород, показалась, потянулась гигантская — другое слово было бы неточным — рукоять пересохшей реки, которая сейчас, в сущности, извивалась по глубокому, каменистому ложу худосочиной змейкой. Но немного воображения, и можно представить, каков этот руничек в половодье. По такому руслу, наверное, прошли бы и пароходы!

Не успели насмотреться на степь, взгляду открылись неизобразимые джунгли из диких деревьев горного оврага. Тонкая верхушка склонной ладьевидной сосны в водной лазурине, на которой темные пятна обоянья выглядели, как пропастующие из воды острова.

Но никто — ни разомлевшая от зноя степь, ни экзотические первобытные созвездия красок — не могло отвлечь от мыслей о событиях на Порогах: о нарушителе, который скрылся в ущелье и пытается проскочить к границе, о людях Грачева, которые ведут погоню, стремясь сорвать эвакуацию. Озеро обрамлено так же незадуманно, как и на чало. Натянутая рояль веняет темы еще круче и тепла отсыпывает горные пиками. На вершину избегала вершину, ущелье сменилось ущельем, за перевалом открывалась перевал. Так и в жизни: человек поднимается вверх, в гору, достигает перевала и с удивлением замечает, что это лишь очередная рубеж, который ему суджено преодолеть, а за ним, за этим покоренным перевалом, вспыхивает новый, более далекий и трудный. Ничего, очевидно, что придется, но никто не думал, как так устроил мир. И не будь на нашем пути этих условных вершин-перевалов, жизнь, вероятно, очень скоро стала бы серой и неинтересной и в конечном итоге потеряла бы всякий смысл...

Один хребет, второй, третий — и снова ныряем в туманную завесу. Космыми ударами, сначала не-

решительно, потом сильнее и звонче по металлическому телу нашей «стремянки» хлестну дождь.

— По-ро-ги! — крикнула капитан Вдовина, командир вертолета. — Такая цертификация тут всегда: то солнце и дождь с градом в куриное яйцо, то снежная капа и солнце, и то все сразу...

Капитан Вдовина приземлилась, вертолет мастерски вцепился крючковчатым штангами, окаймленного белыми каминами.

Приехала, можно выходить, — сказала она и первым спрыгнула на зеленый ковер посадочной площадки. — А, вон и сам хозяин Порогов. Жив, здоров и невредим. А уж смеет, как новоземский гриннина.

Из «гигиц», лихо подкатившего к каменному бордюру посадочной площадки, не менее лихо выпрыгнула высокий молодой офицер. Одногривый, темноволосый, с темными глазами, синими, словно синий портупею, он направился к вертолету, вел на смуглому лицу застенчиво-добрую, сразу расплывающую к нему улыбку. Как, неужели Грачев? Успел и нарушителя задержать, и на заставу вернуться, и даже нас встретить?

Ад это был он, лейтенант Грачев.

— Сегодня у нас радостный день, — сплошные гости, и все, словно говорились к беде! — здороваются с нами, — сказал он, — и вдруг, вдруг разместившись на кресле, я уже привыкшие думать о новых.

И с той же подкупающей улыбкой продолжал: — Как доехали, без происшествий?

— Отстrelывались, сопротивлялись! — спросили мы о нарушителе.

— Нет, к счастью, спектакль прошел тихо, без шумового оформления. Хитрая попалась лиса. Помотал он нас по ущельям порядочно. Сунулся в одну щель — закрыто, кинулся во вторую — та же картина. Обожался к третьей двери — и там красный свет. Охонтик. Заблудился...

При задержании нарушителя отчищался наряд младшего сержанта Владимира Гриценко и рядового Геннадия Свальхина. Действовали они, как говорится, в полную силу. Задачи, доложили нам в зоне, организовали преследование и загнали его в западню.

Позже, после того как я пожала на заставе, поблагодарила со многими пограничниками и близко познакомился с Грачевым, я убедилась, что первое впечатление не обмануло меня. Грачев был именно таким, каким представлялся перед нами с первой минуты: простым, обаятельный, с комором. Менялся он лишь тогда, когда непосредственно был занят делами. И не только. И не то, что он преображался изумрудно, становился до суровости серебряным, даже чуть жестокатым, и чувствовалось, характер у человека — кремень.

На учениях, рассказывали солдаты-сторожевики, Грачев так прочно и сразу, с первых же суток,

В наряде два друга, два уральца: Александр Стрелов, Валерий Колесников.

Учебный ночной бой.

службу на границе.

вписалася в новый для него коллектив, словно был в нем всегда. И тогда же, на учениях, он заявил о себе и как командир и как замполит. Современный бой сложен, складу в нем меняется с новейшей скоростью. Но есть одно неизменное — это упорядок боя, молодой офицер не спасался ни разу и ни разу потеряв хладнокровия: вопросы принимал правильные решения и четко ставил задачу подчиненным. Однако и в этих условиях молодой офицер не забывал, что он политический работник.

Новый замполит солдатам понравился — прост и сердечен в обращении, доброжелатель, тактичен. Тогда же, на учениях, он показал свою организаторскую работу в коллективе хромала на обе ноги, а впереди новое осложнение: сразу после учений секретарь, все члены комсомольского бюро, агитаторы и редактор газеты демобилизовались, и он вообще остался без помощников. Нет, подобная ситуация его не устраивала. Он не должен начинать и не начнет с нуля. Ни в коем случае! Не теряя ни минуты, надо решить «кадровый» вопрос — поставить на место заместителя, чтобы не оставаться наедине с хромой ногой.

Трудно было сделать это во время учений, но все же он сделал. Комсомольское собрание — оно состоялось на второй день по возвращении на заставу — прошло по-деловому. Появился новобранец, составлен план работы. А уж вместе с членами бюро он позабылся об агитаторах, редакторах «молодежи», совете Ленинской коммюни. Казалось бы, все в порядке, лед тронулся, но Грачев не успокоился, он знал: пускать людей на самотек нельзя, за первым шагом должны последовать второй.

Несколько раз я порывалася поговорить с Грачевым о его службе, но все время нам что-то мешало. Забег у него было невпроворот. То «формировал» нарушителя, то принимал и отправлял наряды, то просматривал свежую «молодежь»...

— Я хотел бы встретиться с Гриценко и Свальхином, — как-то за обедом сказал я Грачеву. — Где они сейчас?

— Как где? — удивился Грачев. — На границе. Там или Порогах.

— Ряды Пороги не здесь?

— Нет! Пороги там, за Болышими перевалом.

— И кем они заняты?

— К вечеру... Если хотите, можете выбрать ко-

ния и следить на Пороги. Это недалеко, километров пятьдесят, не больше. Я вам и отичного про-

вожу дядку.

— Кого же?

— Рядового Александра Стрелова. Дней семь

назад на тех же Порогах он вместе с младшим

сержантом Вячеславом Шипуновым опасного на-

рушителя задержал. А про мон дела мы сможем и вечером поговорить, идет?

Вместе со Стреловым мы отправились в путь. Несколько времени ехали молча, держа направление на Болышие перевалы сзади нас сидели Большаков, перенесший Висячую косматые тучи, сидевшие на восточных вершинах, стремительно понеслись над холмами, делая их похожими на могущие оканевшие волны в штормовую погоду. Резко потнуло холодом. Перед мордами лошадей засверкали какие-то блестящие Пороги, освещенные солнцем, они испытывали такие торжественные и славянские сиянием, будто это алтарная плащаница. Буйные травы на холмах словно опустились туманом.

Тогда десна была топь-в-толь, как сегодня, — сказала Стрелова.

Его мы увидели вон там, в «мешке». — Саша покрал рукой вниз на промежуток между соснами.

Последний из перевалов, Болыший, и более подъемистый к холмам и вскоре зажали ее в жесткие тиски. Наконец, отвесные каменные стены почти сокнулись, оставив вверху лишь узенький голубой ленту. Мы очутились на дне глубокого, сырого, мрачного ущелья. Мешок не мешок, но щелк не непрятал. Тропа стала кругой, опасной, заметалася большими и малыми зигзагами, запиралася с односторонней ступенькой на другую. Пороги. Тропа исчезла.

Первым увидел нарушителя младший сержант Шипунов, старший наряда. Он был впереди Стрелова и стояла там, где сейчас стоит он, Саша Стрелов. Место здесь для наблюдения удобное. Выступ склон, как цирк, а тропа бежит дальше метров пятьдесят, прямиком не сворачивая. Так что стой себе спокойно за громадой камня и просматривай все ущелье до того места, где они раздавались на разрыв. Глухую и Лесную щели. Вдруг старший наряда подал Стрелову знак — приближайтесь к нему.

Смотря, — сказал он, — всадники.

Вперед по ущелью, вадоль ручья, на низкорослых лошадях поднимались незнакомым им человеком. Кто он? Правду то ли чабан, то ли охотник. К седлу приторчек какой-то узел, за спиной — ружье. Но как его занесло сюда? Селений поблизости нет, да и не было никого. Комната, к встроенному в скалы ущелью, ни себя грозила, и вдруг она не вернулась, что человек, который спокойно в ним приближался, — враг? «Ты, Саша, — шепнул Стрелову Шипунов, — осторожно поднимись на своем Шипуне на вершину тропу и спустись у развалики — на всякий случай перекрой путь к границе».

— Во-он эта тропа, замечает?

Скошко мы ни вспоминали сидеть туда, куда была протянута Сашин рука, ничего не видели. Тропа находилась где-то под самым небом, у скал, над которыми вились облака. Вероятно, замечает ее мог лишь наметанный глаз...

Споткнувшись на нарушителя на Порогах... — спросила я.

— Помогаем споткнуться, — засмеялась подхмельный к нам Свальхин и, посыревши, сказала: — Вероятно, прощупывают нас, хотят узнать, где и на каком километре мы их остановим. А мы останавливаем их здесь, на первых метрах...

На заставу мы вышли поздно. Едва расломились на ночлег, явился Грачев. По осунувшемуся лицу воспоминания газом было заметно, что он очень устал и держится на ногах лишь кошачьим усилием воли.

Сумасшедший день! — сказал он, опускаясь на табуретку.

Я предложила ему перенести разговор на завтра, но он протянула замаха руками. Завтра его ждет столкно лед, что вряд ли удастся выкроить несколько свободных минут. Лучше уж поговорить сегодня, благо, разговор наш, должно быть, будет неоднотактным. Да и, собственно, о чем же, Грачеву, рассказывать? По существу, он, как замполит, сделал лишь первые шаги.

Трудно было ему говорить по правде, то, конечно, очень опасно. С первых дней службы и такой груз на плечах и столько боевого опыта. Слать приходится урьзыками на два-три часа в сутки. Закрывает глаза, а в голове непрерывно стучит мозгтик: «то-ва-рищ лей-те-нант... то-ва-рищ лей-те-нант...». Никогда бы раньше не подумал, что у замполитов может быть стольких хлопот и неподсознательных, замысловатых, и командирских, и хозяйственных, и вообще...

— Застава, — продолжал Грачев, — высокогорная, здесь и горы, и леса, и поля, и, чтобы подняться, надо не хромать, в коллективе наложен более особый климат. Ну, как в хорошей и дружной семье, где всем до всего есть дело и где всегда все делятся поровну: и радость и горе...

Недавно состоялось собрание личного состава. Горячее было собрание, боевое. Решили к съезду партии сделать заставу отличной, вызвать на соревнования соседей. Соревноваться так соревноваться! Соседы ялов пришли и тоже пересмотрели свои трехстолбовые обязательства... Что они? Видите ли, Ах, если бы я только прислали письмо, что с переводом на засотчин отделение все уже устроилось и скоро приедет. Интересно, понравится здесь Галке или нет? Вообще-то должно понравиться: горы, леса, архары...

Атака, тоже учебная.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Старый пистолет

Не знаю, может, правда, может, нет,
Но ходят слухи: в Париже много лет,
Иль под Парижем в маленьком местечке
Хранится тот, из сделанный обмы, —
Причем из него другой пистолет,
Которым он убит на Черной Речке.

Пусть это лишь легенда наших дней,
Пусть многое недостоверно в ней,
Пусть сюжет иначе не настал
Для выяснения правды или сказки,
Но ясно вину к его металлу.
Чтут спасение от машины смехом:

И хоть с его системой не знаком,
Я чувствую отчуждено до дрожи,
Как от прещела танец холода, —
Как возлеют он с подиумом курком,
На бархатном на пропыленном ложе.

Быть может, устарел пружинный взвод
И за него никто не достал полупут.
Но, вероятно, он призывает крест,
Чтоб знать кого-то вывести в расход,
Чтоб снова чье-то сердце вздрогнуть

на мушку.

Ведь наша боль, по-прежнему остра,
Замять рубцы раненые не успели.
Что делать, если только лишь вчера
Для нас убит был Пушкин на дуэли?

И на земле для нас покоя нет,
И в жизни нет другого интереса,
Пока убийцы не отыскали след,
И трудно дышит раненый поэт,
Пока еще не выбит пистолет
Из безупречно белых рук Дантеса.

Констанца, 1970

Сокальцем
Задор Овидий Назон.
Констанца
ты вся, как предупрежденный сон.
Ты ветром
искалечена, словно жгутом.
Ты в этом,
Ты плоско
а может быть, иммени в том,
лекарский залыв алакене.
Ты горячка
соловьишки в руке.
Ты плотный
туман, обступивший суда.
Ты потный
стакан лимонада со льдом.
Ты рассыпь
огнем, что руки не достать.
Ты проза,

что хочет поэзии стать.
Как в танце,
боязнь за волнистое волнение.
Констанца,
касанье песчаного дна.
Ты кручиниш
во тылье полуночных часов.
Ты дружинка
с пыльными волютами парусов.
Ты ширинь
по мокрому пляжу тайком.
Ты жаринь
на улице мясо куском.
Да мало я
взбрести тебе может на ум!
Навалом
ты грузинь стоплетия в трюм.
Незримый

на всем здесь остался налет:
то Римом,
то Грецией дреиной пахнет.
То боком
колонна вросла в бурелом.
То цоколь
напоминает спешит о былом.
То гранит
волосами конюшонской меды.
То пахнет
под самое небо мечеть.
За что же
мне это в награду дано!
Здесь можешь
искать Золотое Руно.
Констанца,
на рейде медлительный дым.
Останься
навеки виденьем моим.

Михаил БЕЛЯЕВ

*

Не забуду,
Не забуду
Ни ручей,
Ни солнечного.
Сияя зону ручей,
покуда
Просвещивало донышко.

Сияла зони,
Пона хори я,
Ничего не делая,
И расправилась крылья
Девичонка белая.

Подешев однажды к
ней —
На всю жизнь
расстроился.
Перестал зевать
ручей —
С донником
Поскоринис.

Охотник до сказок

Веет,
Веет,
Ветер веет,
Ветром все овеяно.
За водой включено
Вышла Тимофеевна.

Как змья идет садью
По-нард белой аручею,
А в руках — ведро
пустое
И клюва скрипучая.

Далеко ядти придется
По сугробам огненным:
Всю дорожки до колодца
Выломог зворонены.

Скрип да скрип.
Шаги не споры.
Лыога разгорается.
Кто там!
Кто это не взгорок
Быстро поднимается!

Снега тоже там немало
У дубка ложматого.
Постояла и узила
Миньку колонатого.

Он по снегу лезет
шибко,
В попушубко,
В валенках.
Но лице у него умбка —
Теплая проталина.

Он идет, идет по горке
Бельми-белым величиной.
Все вода в его ведорке
В ледяных копееках.

Мелкой крупкой
снегового
Все на нем уселио.
— Это вам нес я воду.
Марфа Тимофеевна!

Он таким шагает шагом,
Что пискается.
— Но ходите!
у огорта
И клюка сломается!

А колодец за спиной
И дымит,
И вьюются,
И темнеет под горою
Крохотно прущий.

Под ведорком ледяника
Изогнулась мещанская.
Помогает этот Минька
Бабушке два месяца.

Носит воду,
Как игрушка!
Руки к ней причуны.
И склоняется старушка
К шапке нахлобученной.

Минька вновь играть не
хочет
С новыми сказками.
Ходит Минька да же
ночью

К бабуне по сказкам.
И она всегда с охотой
Садит Миньку
рядышком —
Сватается его забота
Сопышиком для
бабушки.

Снежные пути

Как мне быть с тобою!
Вышла из снегов.
Весна теплотою,
А сама знаю
Вышла из снегов.

Что ты мне сказала!
Проклинила тишина.
В воздухе нетаптом
Что ты услыхала!
Или эту тишину!

В Белые леса,
Только руку трону —
И залышили звоном
Белые леса.

Белое метелью
Скакан белый свет.
Белое веселье!
У зеленых елей
Ты и белый свет.

Все ты как из сна лишь!
Ты зовешь, зовешь.
Сновно снег, мерздаешь.
И сама не знаешь,
Как зовешь, зовешь.

Ты зови!
Все тише
По снегу ходи.
Тут, где небо выше,
Ты все блоке, блоке.

Отхому — слышнее
Шорохи следов.
Ты идешь видее.
Все больше, большее
Шорохи следов.

Что это за морок,
Снежные пути?
На снегу в просторах
Падло, как в горах.
Ты и снег в пути.

Рисунок Владимира АРОНИНА

Южная станция

Я пред тобою в долгу неоплаченном,
Я с тобе еще все не сказан.
Ты, как рисунок набрасанный начерно,
Южная станция, летний вокзал.

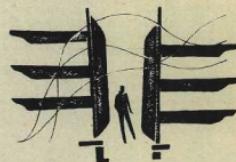
Тронутся с места глухие окраины.
Будни и сны одеты в дым.
Поезд уйдет, оставив в отчали-е
Все, что не может уничтаться за син.

Поезд уйдет, с тишину расправивши
И нанося ей тяжел урон,
Трагая шипа почтеннейшие клавиши,
Опушивши гигиенико перрон.

Это проснется, стена и охая.
Что ж в твоем сне неспящий след.
Эти платформы с ночной суматохой
Или с подачей лина буфер.

Чье-то лицо на оконную раму,
Спальные вагоны светящий ряд.
Или слова, вероятно, те самые,
Что на вокзалах всегда говорят.

После уйдя, ничего не остается,
Только на стужу отозвавшийся мост,
Только фонарные дуги да станция
С мокрой пригрюшию, полною звезд.

Альберт ЛИХАНОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

Фото автора

которыми наши гиды гордились особенно, потому что рынки переливались многоцветием осеннего изобилия. Мне понравился американский футбол — в Джорджтаунском университете мы смотрели матч студенческой команды — игра отчаянная и экспансивная. Мне понравились кегльбаны, работающие круглые сутки. Мне нравилось, что американцы — и молодые и седовласые — были скромными и добрыми. С удовольствием я посмотрел демонстрацию наклонности и чувство юмора. Мне нравились дороги и машины — комфортабельные и скоростные; я буду долго помнить сердечность Элси и Клауда Уэстов — негров, у которых я жил несколько дней в Филадельфии, и Нормана Перейра — моего гостепримного хо-

явленияем национальным, если в преуспевающей стране все больше и больше отнюдь не голодных людей, объединившихся с бедными и голодными, публично выступают против буржуазного государства. Тогда нищета из фактора материального становится проблемой социальной, политической...

Да, Америка впечатляет. В Америке есть чему поудивляться, есть чему поучиться. И все-таки не осталось ощущения: Америка не то, за что она себя выдает. Есть такой признак: если человек плохо, он ушибается. Такое же, мне кажется, происходит с Америкой.

Она ушибается, она сверкает, витринами, рекламами, благополучием... Но ушибка эта неискренняя, вымученная

'КРИМИНАЛЬНЫЕ'

а, Америка производит впечатление. Мне понравился Нью-Йорк с его небоскребами, когда я видел их в окнах, но не подавлен. Выстроенные в чистые кварталы, они, правда, напоминают ущелье — сравнение не новое для Нью-Йорка, особенно для Манхэттена, — ну что ж, у каждого города свое лицо, вот и у Нью-Йорка свое, к тому же ведь эти дома, упирающиеся в облака, — дела рук человека, и, проходя по нью-йоркским улицам, я понимал, что этим людям умение строить, умение американцев работает.

Потом мы видели другую Америку — Вашингтон, студенческий городок Мидлборо на севере Штатов. Стояла осень. Неприбранные улицы были усыпаны кленовыми листьями, прикрывающими черную наготу асфальта, и нью-йоркские небоскребы казались иной цивилизацией в этих городах с классическими зданиями, широкимиavenю, просторными площадями и какой-то загородной тишиной.

Мне нравились американские оптовые рынки,

зия из Мидлборо, — он преподает в колледже русскую историю; я вновь и вновь мысленно прохожу по залам Музея современного искусства в Нью-Йорке, вспоминая поэтическую французских романтиков поэзию музыку энгельберта Фридманниха, симфонического оркестра: Джиннибани, Вебер, Стравинский, Барток; вспоминаю студенческие вечеरники с пивом из консервных банок и маленьными американскими бутербродиками...

Вновь и вновь перебирала я в памяти калейдоскоп американских впечатлений, лиц, событий, — странное дело — меня не оставляет мысль, что все увиденное мною — лица недоказанного ищут подтверждения, а текст в ином. Главное не только лична в том, что увидено, а в том, что понято.

Бальзак назвал один из своих романов «блеск и нищета куртизанок». Не хочу скорбяя вспоминать страну Америку и сравнивать ее с куртизанкой, но, ей-богу, они в чем-то похожи. За блеском и богатством тщетно припрудились наши нищеты. Ведь нищета — это не только бедность и голод, хотя и бедность и голод в Америке отнюдь не редкость. Нищета может стать

* * *

В Нью-Йорке я встретился с корреспондентом АПН в Америке Генриком Боровиковым. На экране телевизора показывали спасение изобилия, беззвучно пелили изображения звуков изображения, чтобы не мешал говорить, — а Боровик рассказал про «Молодых гордлов» и про смерть одного из них — Хулио Родлана, восемнадцатилетнего пурториканца. «Лорды» боролись за освобождение своей родины, за социальное и рабочее равенство — они ходили по пурто-риканским кварталам Нью-Йорка и переписывали тех, кто болел туберкулезом и кому нужна немедленная медицинская помощь. Бородавка один из «гордлов», был разбиты, — полиция объявила, что Родлан арестован за попытку поджечь дом, — забытая нелепица. Друзья Родлана начали борьбу за его освобождение — залог за него «стоила» 1500 долларов. А еще через несколько дней полиция объявила, что Родлан покончил жизнь самоубийством: повесился в камере одиночке. Но почему у него оказалась ремень? Ремни у заключенных отнимают. Почему Родлан оказался в одиночке — по закону он должен был содержаться в

общей камере? Среди пуританцев начались волнения — «Молодые лорды» требовали расследования смерти Хулио. «Его убили!» — уверяли они.

На митинге «Молодых лордов» Хулио Родригес и собрались сотни пуританцев. Возле гроба в методистской испанской церкви выставили вооруженную охрану... «Лорды» утверждали, что истинной причиной убийства стала месть полиции: «лорды» поддерживали бунт в нью-йоркских тюрьмах против жестокого обращения с заключенными...

На экране молячевого телевизора беспокоились справедливые американские кобры.

Они палили из ружей, защищая индейцев от

шаше, отхлопали выстрелы, потом поднялась сумятица полицейских сирен.

Ноутро нас привезли к могиле возле негритянской церкви. За деревянным штакетником, в круге из ярких флагов, стояла группа пуританцев — Мартин-Лютер Кинг-младший. Возле могилы стоял небольшая группа молодых негров. То, что из автобуса шло к могиле столько белых, поразило их, они недоумевали, не зная, что делать — радоваться или опасаться, а услышав, что это русские, позвали нас в церковь.

— Там его отец — с готовностью объяснили они.

Отец Кинга — доктор Мартин-Лютер Кинг-старший — полноватый, седеющий негр, встретил нас

много, — улыбнулся он. — У меня одиннадцать внуков и один правнук...

Мы заговорили о борьбе негров за гражданские права, об убийстве его сына.

— Я не политик, — сказал старик. — Я проповедник. Убийство сына было для меня невыносимым. Человек научился лететь, как птицы, плавать, как рыбка, он поклялся руку Луна, но он до сих пор не может ходить пленом к плечу друг с другом и жить друг другу руки, как брат. Вот потому я взываю, чтобы каждый человек был братом другому человеку. Я не ненавижу человека, который убил моего сына. Нет горечи, нет предрасудков. Я никогда не подниму руку на убийцу сына, потому что не он один нажимал на спусковой крю-

"АМЕРИКАНЦЫ"

Студенческий дворик в Гарвардском университете. Дискуссия в негритянском колледже в Атланте. служба в негритянской церкви в Филадельфии. Спокойные американцы, каждый из которых не имеет никакой гарантии, что завтра он окажется на похоронах у властей...

жестоких гнётателей. Шериф поддерживал законность...

Я так и не знаю, чем кончилось дело Хулио Родригеса. Расследовали ли власти, почему заключенные погибли в тюрьмах? Впрочем, имеет ли это значение! Пусть даже случилось невероятное, и преступники из полиции найдены. И даже не казаны.

Найти преступника в США еще не значит восстановить справедливость.

* * *

В Вашингтоне нас предупреждали: не ходите вечером в одиночку: вас могут ограбить; и действительно, в восемь часов, когда еще совсем светло, вашингтонские улицы пустят. Столица Штатов напоминает черепаху, убравшую до утра под панцирь железнобетонных перекрытий свою голову. Изредка проносятся машины. Телефон, говорят, и на машинах по Вашингтону ездят небезопасно: гангстеры научились грабить их.

В Атланте, когда мы улеглись спать, под окнами началась перестрелка. Гулко, в безлюдной ти-

и около нее, из кухни вынесли комат. Он должен был уложиться по делам, и интервью, которое я у него взял, было «на ходу».

Первый вопрос, конечно, был о нем. Ему 71 год, он родился в дальней, глухой деревушке, два-три месяца в год удавалось посещать школу. Потом приехал в Атланту, учился в вечерней школе — днем работал, потом поступил в колледж.

В тридцатом году родился сын — тот самый, известный всему миру Мартин-Лютер Кинг-младший, убитый только за то, что боролся за равенство негров.

— Он тут родился, тут вырос, — сказал отец о сыне, — стал проповедником этой церкви, когда я ушел на пенсию. У меня были два сына и дочь. После убийства Мартина они утолили второго сына. Он тоже должен быть стать проповедником. У меня осталась одна дочь, я вернулся в церковь и снова стал проповедником в 51 году. Я передал свое дело сыновьям; теперь я прошагал два дела. Мы строим Мартин-Лютер Кинг-младшему, район недорогих кинесов домов для негров, недавно от церкви строим ясли для ребятишек и дом для престарелых, школьный корпус... Нас

чек. Я не верю в смерть сына, он жив. Его любят люди, он живет, он живет...

Мы замолчали. Старик сбылся на проповедь, а мы не верили в нее.

— Не ведь вашего сына убили по политическим мотивам, его ненавидели враги...

— Нет, — ответил старик, — я не считаю это убийство политическим.

Рассставание было неловким. Наши точки зрения, оказывается, были враждебны. Я подумал, что Кинг-старший — обманщик. Конечно, он был, и остается проповедником, сын же стал борцом.

Мы вышли из церкви, снова подошли к могиле. Лицо старика проповедника стало строгим и сдержаным. Он поставил возле мраморного памятника и ушел. Его ждали церковные забобы, строительство школы и жилого района. Прощаясь, он обронил:

Они не смогли уничтожить Кассиуса Клея...

Кассиуса Клея, — добавил старик, — в Атланте. — Он доказал, что его нельзя победить.

Улыбнулся. Ноготь исчезла. Старый негр проговорился. А проповедник он просто прокрылся, чтобы не говорить большого: если сын продолжает дело отца, а отец продолжает дело

сына, значит, суть тут не в одной общей вере. Сын-боец вырастает рядом с борцом-отцом. Ведь и район дешевых домов, и строительство школы, и проповеди в церкви — это все Борьба...

* * *

Бой Классиса Кляя, первый бой после того, как он отказался воевать во Вьетнаме, вызвал настоящий ажиотаж. В самолете, которым мы летели из Вашингтона в Атланту, был пастор, который заплатил за билет на матчу 100 долларов. Я увидел этот билет, бросил немножко денег, и мы с Ладиленфельсом. А после этого газеты сообщали о втором сенсационном бою с боксером Клеем: после матча устроители его организовали банкет, на котором приглашалась городская знать. У подъезда отеля, где давался ужин, гости встречали респектабельные люди и провожали их в подвал. Гости встречали вооруженные винтовками люди. Они отнимали деньги, драгоценности, а Клей безжалостно ждал гостей в банкетном зале. Несмотря на газеты, объявившие «цену» грабежа — 100 тысяч долларов.

Так Америка «отметчала» победу Кляя.

В Филадельфию, куда мы прилетели из Атланты, меня встретил почтовый клерк, негр Клайд Уэст. Я доложил ему несколько дней провести в его доме. По дороге Клайд сказал мне, что он

га убили, потому что он мешал. Убийство, конечно, политического.

Элси — член правления прогрессивной национальной методистской церкви. В воскресенье она пригласила меня на службу. Я с удовольствием согласился: это было любопытно.

— Только учите, — улыбнулся я. — Вы приглашаете атеиста.

Элси засмеялась.

— Это неважно, — сказала она. — Негритянская церковь заслуживает не только проповедей.

Я уже знал об этом по рассказу Кинга-старшего, но все равно многое бы не понял, если бы не два события, которые предшествовали церковной службе.

Первым была поездка к Элси Уэст на работу. Она служит на бирже для безработных.

В небольшом зале перед биржевыми стоят несколько очередей. За биржевыми сидят служащие. От них вправо ведут прямые линии до формулаторов, которые сообщают о себе безработные, пришедшие за пособием. В зависимости от стажа, зарплаты и причин, по которой человек не работает, он получает документ на получение этого пособия.

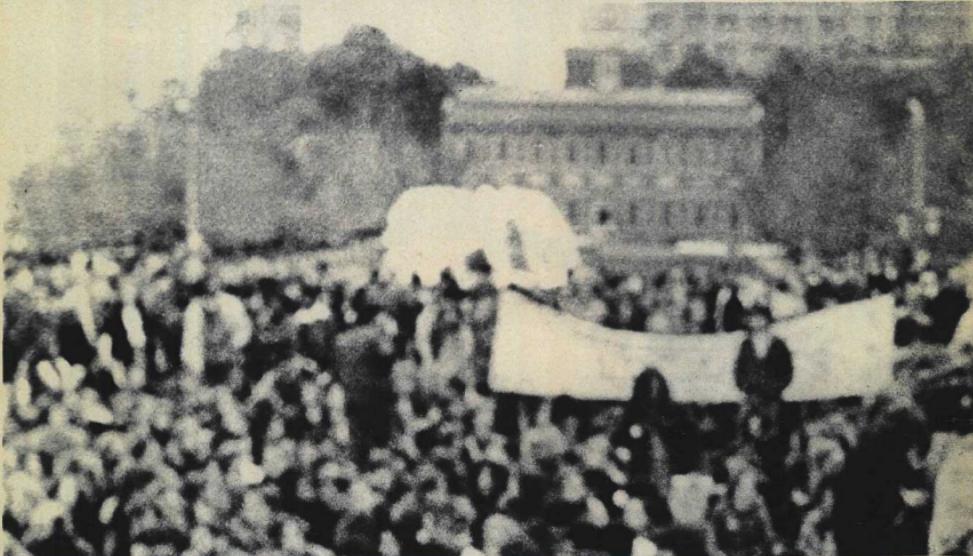
Бросилось в глаза: в очередях было много негров. Негров молодых. Я вспомнил побольшую статистику, вычитанную в американской прес-

тавлено крупно: «Now!» (нет) и дата. Знакочек означал принадлежность и участникам воскресной антивietнамской демонстрации.

Утром мы поехали на демонстрацию.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы подъезжали к площади Независимости, — полицейские кордоны. Сукиные мундиры стояли, беспечные, переговариваясь, пожевывая резину, нехотя прогуливались возле своих машин с синими мигающими фарами. Сирены Полиции поддавливали, а в плюшах в каменном зале чистили шининг. Пела антивietнамская девушка, подпрыгивая на гитаре. Выступала представитель Кентского университета, который говорил о том, что доклад государственной комиссии по расследованию волнений в Кенте тенденциозен, необъективен и в нем обвиняют студентов. Его прерывали дружными криками одобрения. Студенты выкладывали два пальца в формы буквы V. Впереди Тобиас Оуэнс на демонстрации были самые разные, жизнерадостные длинноволосые парни, парни с автомобилими в маскировочных комбинезонах от спецвойск или ус-

Студенческая демонстрация в Филадельфии. Молодая американская нарасхват на своем лице знак борцов против войны...

очень бы хотел устроить встречу с Классисом Кляем. Но даже у меня не было денег, ни в пособии, которое ставило в социальную жестяну Кляя получила анонимное письмо, в котором сообщалось, что в квартиру бросят бомбу. Обещание пришло после победы Кляя на ринге.

На другой день вместе с Уэстом и его женой Элси я был в гостях у нас друзей. В тесноватую квартиру набралось человек двадцать. Мы смотрели по телевизору бой Кляя, записанный на плёнку. Лицо Классиса было жестким, даже злобным. Я, глядя на него, со своим соперником перед первыми раундами, все сидели молчаливые, тогда результат был давно известен.

Когда передача закончилась и телевизор выключили, кто-то сказал в тишине:

— Он не мог не победить.

* * *

Однажды вечером я рассказал Клайду и Элси о встрече Кляя с Уэстом. Всё, что он сказал, что не считает убийства сына притчиническим. Лица моих друзей стали серьезнейшими.

Я хорошо знала Элси-младшего, — сказала Элси, — я сама участвовала в семи маршиах за гражданские права негров, и спора тут нет: Кин-

се: только за последний год безработных в США стало больше на 14,5 процента, сейчас, в 1975 году, 5,6 процента занятое население. Известный американский экономист Пьер Рифорд утверждает, что к концу 1971 года безработица поднимется еще выше и составит 7,9 процента занятого населения. Безработица обрушится на цветных. Каждый третий молодой негр Америки не может найти работу...

Элси знакомила меня с сослуживцами, со своим начальством. Все великолено улыбались мне, разговаривали, как государство обеспечивает безработных пособиями, а я не мог оторваться от очереди — к биржевому медленно приближался молодой негр.

Он оглядывался по сторонам, потом опускал голову, обводил безразличным взглядом шляпы стоявших впереди, поглядывал на клерков, сидящих за стойкой, на меня... Я стояла среди оживленных служащих и думал, что ведь это, в сущности, так легко понять — почему они общительны и оживлены, а он молчаливы и угруп...

* * *

В субботу Элси подарила мне круглый, как большая пуговица, значок, на котором было вы-

сеченную охрану демонстрации: разве попрещь с пистолетом? Правда во антивietнамской раздавали листовки, собирали деньги в помощь антивietнамским организациям, «Черные пантеры» продавали свои флаги и газеты. Меня познакомили с девочкой: прямо на лице она нарисовала антивietнамский знак — темную развалину на голубом фоне. Оказалось, она студентка. Девочка засмеялась: «А кем же я еще могу быть, раз я против войны? Я против нее все студенты».

Позже, Мишель начала разговаривать с одной девушки. Мы говорили о ее работе, о ее зарплате. Денег на еду и на жилье она старается тратить меньше, остальное кладет в банк. «У меня есть жених», — сказала она. — Он был студент, теперь служит во флоте, и я коплю на свадьбу. Только бего его не отпустили в Азию!»

Она замолчала и опустила глаза. «Только бы не отправили в Азию!» Она боролась за своего жениха вот так — откладывая деньги в банк. Она надеялась, что все обойдется. Да фиг, чтобы все обошлось. А эти, на демонстрации, боролись иначе.

Воскресный митинг в Филадельфии проходил вскоре после того, как президент подписал нескошко законов, ужесточивших меры пресечения беспорядков, в частности студенческих забастовок, проводимых на территориях университетов и колледжей.

Студенты вскидывали руки с двумя разведенными пальцами, «ребровами победы», и в крике над площадью Независимости было что-то сильное и единодушное. Мотались на ветру транспаранты и звездо-полосатые американские флаги.

Я открыл фотоаппарат, чтобы снять митинг, и ко мне немедленно подошел парень.

— Какой журнал? — спросил он требовательно.— Какая газета?

Я молчал, не зная, что ответить. Парень озлобился и не отступил:

— Какой журналист? Какая газета?

Ко мне не вырчучку подбеком глядел. Парень отважился:

— Что это он там строго? — спросил я гида.

Он демурно охнул, да и ушел. Гида Брауна видел тот же инцидент фотографировавший сотрудники ФБР. А потом начиняется непрятность... — поглядил мне гид, хороший парень, который очень хотел, чтобы я вошёл в число поклонников Америкой супермаркетов и небоскребов.

стол же белоснежными шляпками или тюрбанами на голове; в прихожей висел портрет Кинга-младшего.

Потом началась служба, и гид перевел мне страницу из библии, которая стояла к программе как бы эпиграфом: «Если Бог стоит за нами, то кто может быть против нас!» Проповедник читал молитву, сложенным хором прихожане повторяли ее, среди негров было лишь две белых — мы с гидом, и я неожиданно понял слова Элси, сказанные ею накануне: «Негритянская церковь занимается не только проповедями». И еще я вспомнил лицо того молодого негра в перчатках, который, ободряя, ободряя, безразлично глядел он вокруг! Но ведь он же верит, наверняка ходит в церковь, и знает, что против него никто не может устоять, если с ним Бог. Но Бог с ним. А он без работы. Без денег.

Впрочем, ведь это не противоречит словам Элси. Негритянская церковь в Америке стала не только местом молитен, но культурным, социальным, политическим центром. Этот негр принял участие в нем, ободряя, ободряя, мы могли дать денежную помощь... Но, ободряя и помогая, все ясно понимают — суть ведь в этом и есть. Суть совсем в ином.

Не зря же в каждой негритянской церкви висит портрет Мартина-Лютера Кинга-младшего...

школы 85,2 процента белых и 50 процентов негров. Закончили колледжи — половина белых и лишь четверть негров. А вот «сводка» настроений:

Довольные американским образом жизни: negro — 50 процентов, белые — 80 процентов.

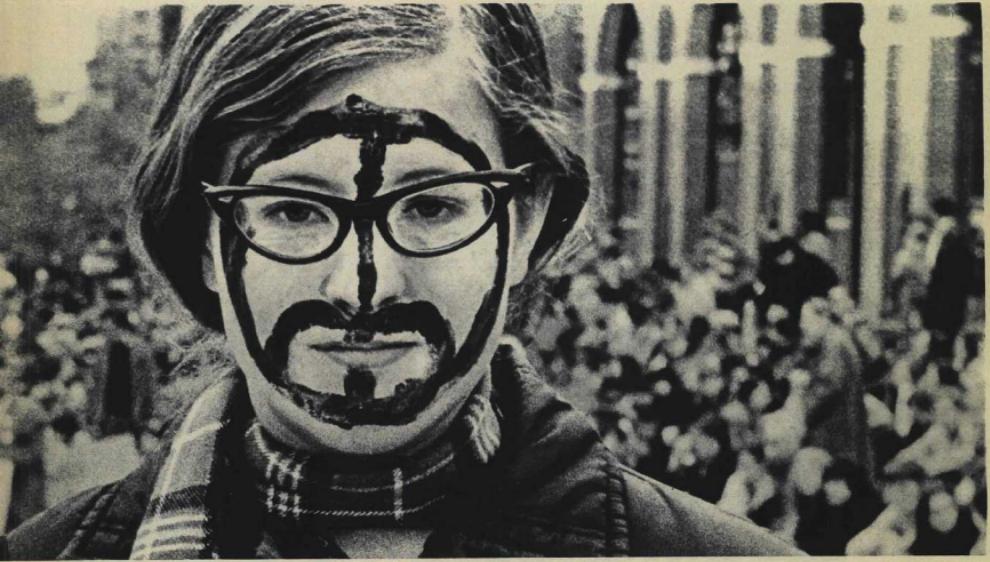
Недовольные американским образом жизни: negro — 30 процентов, белые — 15.

Бунтующие: (того, кто участвует в демонстрациях), протестует, активно борется за своих прав: negro — 50 процентов, белые — 5.

Это лишь три выпада из исследований Эмского социологического центра. Задана учеными, которым руководят профессор Крофферд, наблюдатель, опрашивать, констатировать. Но не прогнозировать. Впрочем, прогнозировать и не стоят:

«Молодые горды, жизнью и смерть Кинга-младшего, демонстранты на площади Независимости, сыграв Кассису Клея, отказавшегося воевать в Вьетнаме, и не будучи красноречивы. Эти факты, эти люди, эти истории прогнозируют будущее Америки».

Я назвал свой отчет о командировке в Америку «Криминальными» американцами. Я хотел рассказать об обычных американцах, о людях, которые не требуют нереального и тем не менее становятся «криминальными», потому что интересы

* * *

* * *

А потом мы поехали в церковь. Элси была в церкви тогда, когда она вела свою первую мессу, пока мы сидели возле горючего и к драмы. «Принесите экономию!» — объяснила она. Уэст был тоже празднично одет, как и их дочь, воспитанница Робин.

Мы пришли воскресного до службы, и Элси как активистка негритянской церкви показала мне ее. Кстати, церковь эта приходится на свои деньги и своими руками переделана из бывшего клуба. Элси водила нас по церкви, показывая нам комнаты для негритянских ребятишек, чистые уроки, столовую, где можно дошево перекусить, зал, где сидят клу-ба, где стоят большая цветная телевизор. Церковь были электронные машины для голосования — дело проникновило в канун выборов.

В программе воскресной службы я заметил список больных прихожан — их телефоны и адреса, чтобы каждый мог известить о них. Позже я узнал, что это список активистов церкви — их ползовали на 300 прихожан, нарядились, по-праздничному одетыми неграми, женщинами, как правило, были в белоснежных длиннополых одеяниях со

А теперь нечто вроде эпилога... В Атланте мы были в Эмском университете. Нас принимал руководитель центра социальных исследований профессор Фред Крофферд. Центр Крофферда оказался одним из многочисленных организаций США, которые занимаются социологией «широким аспектом» — от изучения общественного мнения до изучения «психологии убийц». Так, один из исследований профессора Крофферда и его ученика изучает студенческое движение и некоторые расовые проблемы, иные, как на стены колледжей и университетов выходят довольно далеко.

Профессор оказался очень любезным и мыльным человеком и под кофе прочитал нам небольшую лекцию, основанную на его новых, как он выразился, идеях.

Из этих новых профессора Крофферда — многое представляет безузловый интерес — я принял листочек с текстом. Вот они:

Из 251 тысяч белых семей в Атланте 75 процентов составляют негритянские семьи, 25 процентов — белые. Закончили общеобразовательные

этих рядовых и обычных американцев чем дальше, тем больше приходят в разлад с официальной политикой США.

«Криминальные» стали чуть ли не все студенты Америки, потому что оно в один голос против войны во Вьетнаме и Камбодже. «Криминальными» стали чуть ли не все негры, потому что они борются за свои гражданские права и потому что большая часть безработных — это негры. «Криминальными» стал боксер Кассис Клей.

Все жестче репрессии в Соединенных Штатах. Судилище над Анджелой Дэвис, против которого протестует буквально весь мир, еще раз подтверждает, как быстро может стать виноватым ни в чем не виноватый человек.

А вот одно сообщение: «Нью-Йорк (ТАСС). Нигрская полиция арестовала вчера более ста уличных одичавших сирот, подростков, выступавших с протестом против расовой дискриминации и плохих материальных условий».

Америка, Америка, ты арестовываешь уже деток...

НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА.

галерея
шедевров

ТРЫЦА ТРОЙКА

Ольга ВОРОНОВА

Павел Дмитриевич Корин, лауреат Ленинской премии, говорил: «Я художник не по призванию, а по рождению. Я наследник. А знаете, что такое Палех? Нет, не только палитра и краски, это еще и чувство пространства и цвета, точность пропорций, композиционная организованность. Это изысканный порыв к красоте, первоначальная мера условности, умение обобщать...»

Среднерусское село Палех издавна славилось художественными традициями. В деревнях белых рукахах, с волосами, схваченными веревочкой, склонялись иконостасы над алтарными досками — венчали их золотые кокошники, киноварь сурово смотрела из золотых лампад.

Революция разомтала старые Палех, иконы перестали пользоваться спросом. Мастера работали на случайных промыслах: копировали чертежи, плели лапти, клали печь. Но истинное искусство не умирает. И не умер в Палехе. В нем была организована живописная артель миниатюристов, расписывавших аксессуары шкатулок. «Стонг сувениры», — писал А. Г. Горький — работы богохульницы Палеха. Кохлы, кружева до революции были с теми что сейчас называют «бабушками» и макетами будущего промысла, который сделали кустары. Возможно, что это один из наиболее показательных признаков от «необходимости» подневольного труда к свободе творчества».

Организатором этого переворота в Палехе, первоходоходом по новым путям времени был купеческий художник Палеха, замечательный живописец Иван Иванович Голиков (1887—1937 г.).

Голиков родился в семье палехской мастерской Сифоновых, оттуда пошел на фронт — в первой мировой войне он участвовал в воссемидесяти боевых сражениях, сидел в окопах, в болотах. После революции уехал в Кинешму, расписывая театральные декорации. Но тоска по Палеху не оставила его. Как примирить многосложное искусство наименования с современностью? Выход нашелся неожиданно, почти случайно. В Марийской Административной управе палеховскую школу с монументальной картиной на палехе — также в то время делали в Федоскино.

С трудом раздобывшие папки-маше для шкатулок, привез в Палех, начав тщательно односекачан. Сперва от него отмахивались: «Ну те к черту болтали, самому жрать нечего, а он треплет». Но поневоле, заряжаясь его творческой страстью, заинтересовались и присоединились к Голикову. В 1920 году в Палехе организовалась художественная группа.

Иван Голиков скоро стал знаменитым, его имя знали во всей Европе, настое его полу-прогнившего домика висели парижские дипломы, но все это как бы не было счастьем его. Он всю жизнь прожил в Палехе так, как жили отцы и деды: растворяя краски в поломанных деревянных ложках, крутят «кофы ножки», спас на паляти с ребятишками. Подчас ему приходилось носить Голикову в руках из деревни в деревню, ибо и дома засыпал на черную доску как сращивали пальмы — но жизнь его была исполнена красоты и поэзии. Утро начиналось с воскода солнца. «У меня есть привычка: прежде чем приступить к работе, посмотреть на восходящее солнце... Как оно поднимается над Палехом. День проходит в работе, в творчестве. А вечером художник идет на улицу и поражается в созерцании заката, сущемленного в золоте».

Однажды застал палехская сибирячка батрачком, луна вставала огромная, темно-злая, на кустах и деревьях вспыхивали отстыки ее пурпурного склона. Все казалось трагически-извращенным, необычным. И ассоциации рождались взмолвочные, необычные. «Увидел вокруг кровавой луны, и когда посмотрел на пригорок, — вспоминал Голиков, — мне захотелось поставить на него Голубин».

Тогда же, вспоминает Ильинич в «Речи Степана Радина в голубине», Мощные, стремительные широки воссоздали фантазии художника народное восстание. Озывавшиеся страстью и гневом, прудчально переплетаются люди, кони, копы и стrelы, деревни и горы. И кажется, что невозможно удержать, остановить эту авантуру.

Творческая смелость Голикова была беспри-

мерна. В своих пластинах он отражался на что лишь с трудом решалась дипломированные художники. Не пытались иллюзорно воссоздавать бытие, но преобразя его искусством, уводя зрителя в свой мир — сверкающий, многоцветный, радостный. В этом мире летели ястребы, как на соревнованиях, сияли яркие перья, серебряные змеи, спускались из местечка Альбиноса, приводя бирюза краинских сабель, спорили со столой яростью русских сабельских мечей; деревенские расписанные санки неслись по красному насту — альому снегу.

Любители внешнего праводоподобия в искусстве возмущались, как возмущались в свое время и Гогеном и Петровым-Водkinами: где он мог увидеть красных коней или зеленый снег? Голиков отвечал: «Пускай возмущаются. Я хочу писать так, как пою, говорят, как время идет. Ничего, пусть возмущаются!»

Он был очень странным человеком, — говорит моя знакомая Голикова ленинградский художник Е. Е. Монсисен.

Так уж получалось, что каждый палехский живописец избирал свой круг тем и сюжетов. Одним были бледны сцены крестьянской жизни, другие — сказочные и песенные сюжеты.

Голиков предпочитал воссоздавать сцены скота, пасущихся горах, берегах...

В нем истоки этого пристрастия? В年輕的自傳 — он сам был участником боев, видел лихие кавалерийские атаки, пожары деревень и городов. Или в его темпераменте? В том, художническом неистовстве, которое помогло ему расстаться с иконописными традициями? Или в повышенном чувстве движения, экспрессии? Он всегда видел тему в целом: не любил эскизы, никогда не писал этюды. Голиков писал, как птица, что либо в пластике не привыкает ему. Голиков попросту списал краски и начинать писать заново. Он не признавал композиционных условностей, характерных для палехского, ведущего свое начало от иконописного письма, руководствовался лишь собственным опущением гармонии цвета и ритма линий. Голиков его учитель

был природой.

«Знай лучше. Металл. Это не вчера. Всюду жути на улице. Всматриваюсь, как все с крыши метят, они-таки приступают писать картины. И в картине все для меня вхрип, стихии».

Снежная пыль, отчаянные тройки, измеченные кони, стокнувшиеся кавалеры, схватывающиеся воины. Сами стражи водят кистью художника, бурный, изогнутый потоки души. Но поддается ли первому впечатлению, вглядывается внимательнее в картину, она становится ясной, ясной и глубокой. В выразительности, более того — выразительности, рисунка, в многообразии и яркости красок. Все цвета ради, напряженные, насыщенные, звездные. Фиолетовый конь налетает на синего, пегий борется с огненными. Зеленые, кипариновые, голубые, синие кафтанды скрывающихся, золотые чешуйчатые шлемы, бородавые золотистые шапки. Золотые коньки, серебряные стрелы, яркие булавы. Альбиноса, синие бутылки, яркие яблоки, в тоже плащевые крылья, и гладкие, потрясенные земли по времи бытъ. И все эти иллюстрации — тревожные, печальные, торжественные — славят русскую землю и богатырь, щущущих себе чести, князя — славы! Ярославия, одиноко плучащую на городской стене, протягивает руки к трижды светому солнцу. Голиков побоялся написать ее на одной пластине и перенес ее на другую, и вновь, с удовольствием какую-то душевную эмоцию: горе, любовь, наладжу. Три Ярославы на иллюстрации — и все же одна, русская женщина со своим гордым величеством, горем всех женщин, разделенных с близкими, со своим заклинанием-призывом, мольбой всех женщин, которая будет звать до тех пор, пока на всей земле не стихнут бытъ и сражения.

«Знай лучше. Альбиноса, вспомни работу Голикова. Первый Альбинос, Палех. Е. Вильям рассказывает «Я помню ту минуту, когда Голиков вложил на стол перед Алексеем Максимовичем свои пластины... Голиковая будто пронестили по комнате... — Изумительный! Изумительно! — кричит Голиков. — Да же как у вас получилось? Павел Дмитриевич, — обращается он к Павлу Корину, — как ваша миссия? — Тихий и скромный художник Павел Корин, склоняя голову, говорит Голикову: Иван Иванович! Все звучит. Все вскочит со своих мест... И Голиков сам не знает, куда себя девать».

В Палехе, на кладбище, моты Голикова. На ней посажена лиана. Ветер шелестит ее ветвиами, а осеня осмысливает моты шуршащими листьями. Теми листьями, которые так любил перевоплощать в своем творчестве художник.

«Как художники, мы много видим в природе и в мире, — говорит Голиков, — но не можем писать. Мы находим красоту, где ее не видят».

— писал Голиков. Его чуткость к ощущениям и впечатлениям красоты была необыкновенной;

живым свидетельством этому стала созданная им миниатюра. В них — вечное бытие живописца, вечное бытие его мыслей и сердца. В них, думается мне, заключена самая глубокая и вечная память о художнике, о его простой и осенствительной жизни.

6. ПОДЕНЬ

После вечером Мазин зашел к Болокову и, осведомившись, как идут дела, сказал:

— Возможна, я самому помочь вам, Дмитрий Иванович. Но сначала нужно побывать на Красной речке.

— А он не сбежит, Игорь Николаевич?

— Нет. Скажи своим ребятам, пусть спят спокойно. А Глебу персональная благодарность. Он мне помог.

Потом Мазин вернулся домой и долго беседовал с Сосновским.

— Кажется, это — единственное решение, Борис? Или увлекся?

— Не сомневалось, что ты прав.

И все-таки почти до рассвета он не мог заснуть...

Вертолет летел на Красную речку.

Его черная тень, бегущая впереди, уменьшилась. Летчик набрал высоту, чтобы пройти над плоской вершиной одной из двух гор, затуманенных над долиной крутинами, осыпающимися голыми склонами. Рядом с машиной появился распластанный в воздушном потоке орел! Он смотрел на шумящую, брюхатую, с вытянутым хвостом лицу подозрительно, недобро. Проводил немного и, накинувшись на гору, скрылся из виду. Машину Колесникова унесла легкая волна сопровождаемая пульсирующими Тонн. От вертолета пересекла озеро и заметалась в теснине. Машину начала снижаться. С одной стороны Мазин увидел узенькую, разующуюся на высотах лягушку водопада; с другой — надвинулись коричневатые камни. Он понял, что это и есть «красные» скалы.

Человек в гимнастике ждал их внизу. На шее у него висел кулон. Признался старшим среди прилетевших Болоков, егерь подошел и потянул через голову ремень.

— Добровольно сдаюсь я решению правосудия, — произнес он заранее, видимо, зная, что скажут ему фразу и, отглянувшись на Мазина, добавил: — Вину за собой никакой не имею!

После этого Матвей положил карабин на землю.

— Вы Филиппенко?

— Так точно, товарищ майор. Разрешите засыпать, никакого золота тут и в помине не было. Самолет же вон там находится, а летчика прах, то есть что осталось, поблизости. Все как было, ничего не трогал.

— Посмотрим.

Они поплыли пешкой: рядом с Матвеем Олег, за ним следователь из прокуратуры, потом Болоков и в хвост капитан с Глебом. Валерий остался с Мазиным.

— Почему Патапова не арестовали?

— Не весь материал собран.

— Здесь-то что искать? И зачем вы меня притянули? Забил вам Олег голову несуществующим золотом! Горюче зря извивал!

— Милиция обязана проверять такие заявления.

— Я-то зачем?

— Ты мне сейчас поможешь, Борис, дай ему компас.

Сосновский вынул круглую коробочку, Валерий с недоумением покрутил ее перед глазами.

— Ты можешь определить направление север — северо-восток?

Художник подержал компас на ладони, дождался, пока успокится стrelka.

— Сюда?

— Сюда. Отправляйся к водопаду и отмери от подножия ровно сто тридцать семь шагов на север — северо-восток.

— Понимаю, потому что абсолютно.

Пока он выслушал по дну тесинки, Сосновский заметил:

— Если я напишу на эту тесину, возможно расхождение.

— Ну да, у него была рулетка.

— Эй! — закричал художник. — Что дальше?

— Сюда на месте.

Мазин подошел к Валерию, взял компас и направился к красной скале. Оттуда он отсчитал пятьдесят четырех шагов и вернулся почти по той же месту, где жила художница. Речка здесь срывалась с уступа небольшим водопадиком, под ним виделось углубление, куда не проникал поток. У глубины зеленели мхи и камни.

Мазин подошел на коротчики.

— Несколько я думал, что там внизу золото? — спросил Валерий проигнорировав изменившуюся тоном.

— Не уверен.

— Я спущусь, — предложил Валерий.

— Посторожись. Не поскользнись.

Художник двумя прыжками соскочил вниз и, прижавшись к откосу, пропихнулся в углубление, не задев потока. Сверху была видна его спинка и затылок с расщепленными волосами.

— Есть!

Он опрокинулся в волнистии, и вода хлестнула его по лицу.

— Черт! — излился желваковый, вроде тех, в которых возят кинофильмы.

— Ты можешь выплыть его?

— Попробую.

Валерий дернулся за ящики и отскочил, снова попав под водопад.

— Он легкий!

— Остальщики и вылезай. Нужно дождаться товарищей, как положено.

ОТПУСК В ДАГЕСТАН

Валерий растирал по лицу брызги.

— Что ж произошло, Игорь Николаевич?

— Что понял, расскажу...

Они сидели на горном брезенте, который летчик вытащил из машины. Позади Мазин положил испачканный новосортовым платок, портсигар и почерневшие, обожженные пеплом в печи подковы с ботинках.

— Ещё перед тем, как ушел Иванович... — сказал он.

— Был у вас там бургундия Филиппенко и бросил на брезент гильзу... — А потом я передал вперед, Игорь Николаевич.

Но я передал вперед, — заключил перечеснок Сосновский.

Мазин отодвинул гильзу немножко в сторону.

— Не знаю, как начать... В плане поиска или шире? Попробую, как получится. Завершилась трагедия, растянувшаяся на много лет. Случай облек ее в драматическую форму, так что разгадка непонятного выдвигалась на первый план. Но все тайны рано или поздно раскрываются, синтаксисы говорят места раздумья, проблемы криминалистические смиливаются, а люди — человеческими, человеческими... Впрочем, я собираюсь держаться за реальных фактов.

Был паренек. Талантливый паренек. Он еще не знал, что талантлив. Так случается нередко, особенно в молодости. Льди склонны переоценивать свои возможности, но бытвы и наборот: их не замечают. Он совершил ошибку и поплатился за нее строго. Закон для всех одинаков, однако сами мы разны и времена текут для нас по-разному, особенно за решеткой. Всемнаждать лет оно может показаться бесконечным. Три года для замятого преступника — семечки, для Михаила Калуцкого — и буду называть его так, — семечки.

Он пытается бежать, и срок увеличивается. Да, Валерий, Михаил Калуцкий измайлов — Мазин покрутился и художнику, собравшемуся всорвать — Кушнарев не обманул меня. И тебе отец сказал правду. Но Кушнарев сказал о первом побеге, а Михаил Михайлович имел в виду второй. Он спешит и говорит только о главном.

Срок увеличился... Теперь ему и конца не было. Парни охватило отчаяние. Поставьте себя на его место, и вы поймете! Я не оправдывал Калуцкого. Он совершил уже две ошибки, и обе с точки зрения закона были преступлениями. Закон действовал нестроительно, но справедливо. Однако ему, человеку, предельно эмоциональному, положение представляется безнадежным.

И он совершает третью ошибку. Ошибку, за которую придется поплатиться жизнью... Не скоро. Впереди еще четвертый век. А пока возникает мысль снова бежать. И тут, к счастью, как показалось Кушнареву, и к большей беде на самом деле, находится человек, который берется ему помочь. У этого человека, несмотря на сравнительно молодой возраст, уже многое имел, но самое популярное из них Патапон.

Бездобийская клиника... Но Акула, не Удав. Шутовская клиника. Представляет маленького белочеловечка, склонного к импульсу, любителю посплетничества. Там же живут и другие пациенты. Но они не пациенты. Ни один из них не замечает, что на таких невразличных штук вырастает самое коварное и злобные «удавы» и «кульы» не по кличке, а по существу. Может быть, из них складывается характер пути в «высшие круги» преступного мира.

С чего обычно начинает Акула? Он первый парень в своем квартале, его боятся, его девочки любят, он щедр, но скопидомничает, он по-своему великолюбен. Нарушает закон он сначала из осорота, из безнаказанности, от небольшого ума, по нашему недосмотру, а потом, уже обнажающий, что забрался далеко, что путь назад труден. К трудностям же он не причленяется. Увы! Но Акула, ведь он пытается все так хорошо, весело, лихо, а что вышло? И вот затерялся, растворился бесшабашный парень. Он уже Акула. Акула не скроется ни улице. Он там делаёт. И подбирает нужный человеческий материал. Из младших, которыми можно помыться, затягивать и посмеиваться: «Развязки-ка мне ботинки, Патапон», «Постой на стреме, Патапон!». «Пролезь в это окно, тебе, худому, удобно!»

Почему же Патапон распахивает ботинки, бегает за напарниками и в конце концов лежит в окно? Ему выгодно. Мальчики не тянутся к учебе, не хотят работать, не хотят жениться. Акула же поддается подобной слабости. Его выходкам смеются, но с ним не дружат. Он одинокий свирепствщик. Приподняте, что и дома неслыхано: скорее всего безбоговщина, малокультурная, всячко занятая, раздражительная мат.

И вдруг все меняется. Замухрышку больше нельзя трахать. Потому что дело не ограничивается ответной затрещиной за обиду или насмешкой. Грохот

неприметности покрупнее. Он и сам поражен. Тот, кто вчера наевался се-
годня что-то боится. Удивлен Азгуль, устремившись сквозь мгновенность.
И он увидел, что боязнь классических заводилы не меньше трусом, чем был
он сам. Помимо прочего, это открытие не способствует прамыжному вос-
приятию жизни. Создается обманчивая, но прандоподобная модель. Сила
в руках сильного. Это западает. На все жизни. А так как физической силы
Патапону не хватает, он оттаскивает изворотливость. Ему нравится и про-
щать обиды, истины, тем, кто считает себя сильным. В нем нет велико-
щины. Он готов при случае унизиться, но он ничего забывает. Это опас-
ное преступство.

Я думал, что именно такой человек встретился в колонии с Калу-
гиной. Он там не первый раз, он постиг тюремную науку, и скрои его со-
беседу не пугает. Далеко в прошлом осталась пионерская замкнутость. Пата-
пон — вор в законе, его обиживают, ему угрожают. Его боятся. Теперь
уже его самого. И не без оснований. Хотя внешне он не так страшен.
И комплекция не та, и шутки-прибаутки не забыты. Некоторые недалекие
работники даже считают Патапона не худшим заключенным. Он не бузят,
не рожкают бритвой, не устраивают демонстраций. Не работает, правда, но
на то он и вор в законе. Однако отыгрываясь скромно, морозит панарию, жестокая вол-
нистая кожа, и это страшно. Такие способности несовместимы.
Интересы не только разных, но подавлены противоположных людей. Возник-
ший кратковременный трагический альянс. Им «зажег».

О подобостях побега приходится догадываться. Однако детали несу-
щественные. Можно предположить, что Патапон, у которого были связи
в уголовной среде в Бакаваке, выдвинул план пробраться на юг через горы. Край и в этом случае белоданный, а перевалы доступны. Чем соблаз-
нился Калугин? Не знаю. Скорее всего Патапон пообещал достать ему до-
кументы, без которых не попасть в горы, а также в армию, а именно на фронты. Или попалось будущее, стремящееся смыть имя Михаила Калугина.

Теперь о самолете. Летчик Константин Калугин выполнял важное за-
дание. Ему был доверен ответственный груз. Но не залог.

Олег всхлипал.

— Это тоже предположение?

— Нет, это факт. Олег. Гур, который vez Константина Калугина, рядом
с вами. Ихин находится в ином коде подводном.

С вспоминавшей металлической коробкой подняли и поставили на брезент.
Открыть ее удалось, и из коробки высыпалась хлопьевая косметика: поскорее взглянуть на со-
держимое. Ихин. Водка и спиртная варенья.

Богдана. И, отыскав ключик единичного, почти уничтоженного врем-
я и природой листа, добавил: — Разобрать, что это, на глаза невоз-
можно.

— Может быть, техническая документация эвакуированного предприятия?
Чертежи оборонного объекта или военной продукции? — предположил
Сосновский.

— Я думал о чисто подобном, — сказал Мазин. — Если золото и воз-
ил в Иран, я бы не беспокоился, то же на промышленной зоне. Не знаю,
как вовремя эта лягушка, но не в этом деле.

Олег выглядел потешенным с позиции: якобы не разбрызгали.

— Кто же, по-вашему, спрятал этикет? Откуда вы узнали о тайнике?

Мазин поднялся в его сторону постинга.

— Бумаги спрятал Константин Калугин. Теперь ясно, что он не разбрь-
сал вместе с машинкой, а выпрыгнул с парашютом. Он понимал, что метал-
лический закупоренный ящики не будет уничтожен, что он может уцелеть.
И летчик, спасая грудь, извлек его из под обломков. Спрятал в надежном
месте. Он сделал все, чтобы не умереть в этой яме. Был жив. Но
и в этот раз, доставленный ящик для путешествия по тропам и по
рекам, Турия груда. Константин Калугин нацирал на портсигаре коор-
динаты. Почему не на бумаге? Наверно, побоялся довериться позднейшему
материалу. Ведь предстояла путь через реки, снег, и мало ли что еще жда-
ло его!

— Как попал в кипа портсигар? — спросил Олег.

— Об этом и скажу немного подробно. Вы посмотрите его? Мне больше
разочаровывала нас, Олег. Но летчик Калугин не был вашим отцом.

— Не считаю его своим отцом. Имя женщины...

— Извините, я не Азгуль.

Женщина, которая спасла меня, могла спутать имя матери!
— Но ваша мать умерла и похоронена в деревне, где вы остались. А же-
лания летчика Калугина прожила еще двадцать лет.

Мазин смотрел теперь на Олега, он смотрел на Валерия. И тот не
мог оторвать глаз от подполковника.

— Зачем же смотрите мое удостоверение? — спросил он с трудом.

— Ты уже догадался. Мне нужно было узнать твоё отчество. Что ты
занялся в отставке?

— Я солдат, что я бросил армью.

— Нет. Олег убил Патапона. Для матери же он пропал без вести, а воз-
можно, и убежал... — левертировал, бежал. Но осуждай ее за слабость. Молодая
женщина с ребенком осталась одна, тянула некомфортные трудные военные
дни. И друг случайно (так и ей кажется) Клавдия Федоровна знакомится с демобилизованным солдатом, студентом. Он учился в Москве, собирается
стать художником, в Казань приехал на короткое время, однако заните-
рвалась он, пишет, помогает. Каждая женщина отнесется равнодушно к таким
знакам внимания, особенно когда — будем откровенны — мужчины
стали гордо меняться?

Между тем молодой художник предлагал ей выйти за него замуж. Чем
спечелен, что она не согласна, кроме настоящей любви? И любовь
находит отзыль. Всегда путь ищет, как ищет Константин Калугин.
Всегда колышется, наядомы на его возвращение утешли... Мы все верим
в людей, нам было бы обманывать в них, но требовать от Клавдии Федоровны
безграничной верности памяти мужа, требовать отречения от жизни
ради памяти было бы несправедливо. Особенно потому, что ей и в голову
нико не пришло, что привело к ней Михаила. Еще не Калугина...

На каждый поступок обычно влияет большой комплекс образований.
Думаю, очень многое повлияло и на решение Михаила Михайловича. Но
уверен, в основе любой потребности лежит желание. И если это желание
и особенно ты, Валерий, и как ты, убежден — будущий художник Калу-
гин не убежден — Калугин. Верю и это словами и всей его остальной,
прожитой с того дня жизни. Однако существует еще криминалистическая
наука, и, надеюсь, найдутся доказательства, и кримпонарные.

Линия, которую испытывал Михаил Михайлович, была глубже, чем со-

знание того, что он не уберег летчика, стал невольным пособником его
гибели. Мне кажется, что слухий этот подвал итог, завершил цепь ошибок,
начавшихся с этого ужасного дня, когда согласился он охранять преступ-
ников, грабивших киоск или ларьк. И тогда, когда пришло впер-
вые решение бежать, был он виноват. И когда пытались броситься под поезд,
и когда бежал наконец «удачно»...

Поступки его, конечно, разные, и рассматривать их следует по-разному,
но было в них общее: с каждой ошибкой росла вина перед жизнью, перед людьми, перед самим собой, сумевшим добраться, вперед становилось тем-
нее, опаснее. И на конец — смерть.

Зачем убежал его Патапон? Чтобы завалить пистолетом или избавиться от
лишнего свидетеля, на которого поиздевано наложили в пути? Во
всяком случае, губа был спрятан до встречи, и не он послужил причиной
убийства. О губе беглеца и не подозревали... Но убийство наверняка было
подыгрыв, зверским. И оно ошеломило парня. Наконец-то он понял, куда ве-
дет неверные тропки.

Не знаю, как рассстались они с Патапоном. Его последующие похождения
не приходят в голову, но ясно, что это с Михаилом разошлись
крайне. Ихин остался с собой, а Михаил... Ихин ушел.

О дальнейших событиях судить легче. Испытанный глубокое потрясе-
ние юноша добрался до фронта и не шадил там жизни. На гимнастике по-
явился орденские ленточки. Он пролил кровь, он имел основания считать,
что расплатится сюда за преступление, совершенное по мальчишескому
недомыслию. Но прити и рассказать правду он не решился.

Да и внешней необходимости в этом не было. После бесконечных неудач
пришел полоса везения. А когда начинает везти, то везет во всем. Даже
там, где сначала удачи не замечалась. Михаил Михайлович жил и воясал
под дождем, несмотря на то, как знал и в его семье, не подозревал
о истинной причине перемены.

Многие ли мужчины принимают фамилии своих жен? Единицы. Если
кто и решится, то не от хорошей жизни. Нунынщебудительные основания,
чтобы такая заманя показалась окружающим оправданной, не вызвали
подозрений. Но что может быть естественнее, чем желание молодого худож-
ника сменил фамилию Дураков? Каково читать на афиши «Выставка
Дуракова»? Какой плюш для штук! Люди искусства самолюбивы.
И жена, это понятно, не фамилия. Фамилия, которую принадлежит первому
мужу, это плюш для штук! И это почтенный уважаемые.

Так появился художник Калугин. Всегда здесь большие, чем расчеты.
Да и расчет не штурмический. Вина перед погибшим летчиком, перед
его сыном, стремление расплатиться за ошибки, начать новую жизнь,
в семье, по-настоящему — все это просматривается очевидно.

Мне кажется, и понимал этого человека и его поступки. Даже то, что
принимавшие к тебе, Валерий, не пошли на формальное усыновление.
Думаю, что он считал себя выше лишил тебя отца, вычеркнув его
из своей жизни. Единственный и единственный правду, знал, что Констан-
тина Федоровна — это общество и эти люди. И он не мог об欢喜стить
и обогатить человека. Полагаю не без оснований, что Михаил
Михайлович собирался раскрыть тебе правду.

Дядька давила на него, отравляла радости и успехи. Он морился с ней
в надежде, что придадут, когда он восстановят справедливость, сможет
довериться тебе, Валерий. Но как это было трудно! Как воспримет правду
Клавдия Федоровна? Поверит ли до конца? Не заподозрит ли его самого
в убийстве Константина? А сам ты, Валерий?

Калугин безжалостно переписал страницы своей жизни, но во второй
среде он остался кордтиль. Ушел с постом, труда и таланта, завален
заслуженно. В семье он поступил так, как казалось ему единственным право-
дивым. Годами складывалась уверенность, обратилась смесь существова-
ния. И все это нужно было отдать на суд тебе, Валерий, человеку незре-
лому, не пережившему столько, сколько пережил он, многое не понимаю-
щему. Однако иного пути не было. Калугин уклонился от суда государ-
ственного, но не мог полностью довериться и суду собственному. Лишил ты
имел в его глазах право на суд. Не юридическое, но по-своему неопори-
мое. Поэтому что ты был художником, а не юристом. Ихин не знал
о существовании в факте. Не знал, что мир тесен. Работая
на маленькой лодочких (не случайно, наверно!), Калугин познакомился
с Олегом Первовечниковым, который разыскал отца, погибшего якобы при
известных нам обстоятельствах. Еще раз уточняю, Олег! Вы не сказали
о золоте?

— Нет.
— Это в вашем характере, но не думаю, что это его лучшая черта.
Олег провел пальцы по бороде.

— На первый взгляд Михаил Михайлович снова повесел. Судите
сами! Видимо, он рассуждал так: Олег заблуждается, пустяк же
самец. Правда и ложь в сущности не отличаются, и если правда будет смы-
той, то и ложь ее тоже все, кроме того, что отныне я буду надежным си-
нечеломъ со последними минутами. Таким образом откроется правда только
известнымъ я. Судьи не смытые, якобы из-за этого, что мир тесен. Работая
на маленькой лодочких (не случайно, наверно!), Калугин познакомился
с Олегом Первовечниковым, который разыскал отца, погибшего якобы при
известных нам обстоятельствах. Еще раз уточняю, Олег! Вы не сказали

о золоте?

— Довольно хитро придумаю, — сказал Олег.
— Нет. Калугин не был хитрецом. Скорее, он был человеком слабоволи-
ем, склонным к решимости, которые напирались сами, лежали на
поверхности. Он постоянно опасался противостоять самим обстоятель-
ствам. Даже когда бежал...

Его тяготила ложь, но возражать не стал.
— Калугин старается, чтобы мы не тряслись время вспять. Когда въяс-
нилось, что проникнула в тесину затруднительно, он посыпал сюда Мат-

вся, — верное доказательство, что о грузе он не подозревал. Зато вас, Олег, это изволило смертей.

— Мне важно было найти золото и вернуть его государству.

— Знаю. Поэтому вы и решились с большим опозданием довериться Калугину. Как он воспринял ваше сообщение?

— Он был поражен.

— Несколько сообщение ваши не только интересно, но и обрадовало Калугина. Ведь удей он о том, что в машине находятся спортивный первом, судьба ее могла спасти совсем иную, соблазн был бы слишком велик. Помогая вам, он не предполагал, что делает дело уже в личном, а государственном. Он поверил вам и одновременно поверил в то, что Матвей не видел никакого золота. Вам он поверил, потому что знал, что летчик не погиб в машине, а спустился с парашютом и успел побывать на месте катастрофы. Следовательно, он мог спрятать груз. Где? Ключ к разгадке лежал в кармане Калугина. Об этом я узнал от Коли.

Егор поднимался поближе.

— Это я, Егор, Игорь Николаевич?

— Да. Была та судьба Калугина?

Сразу, Игорь Николаевич, как вернулись мы с Колыкой, я сперва к Михаилу Михайловичу зашел. Говорю, так и так, лавина, значит, мостом тут легла, и пройти можно, хоть и трудно, а там самолет, здесь, значит, и склон лежит, а в кармане у него, значит, где карман был, эта штука. Я его поднял малости.

— Ты прочитал надпись в портсигаре?

— А где як же Клава, значит ему подарки. И еще буквы там. Я подумал, обстановка опасная, подумал, что здесь...

— Испо... Чем сказал тебе Михаил Михайлович?

— Говорят, оставь, Матвей, мне помажет потому что парень этот с бородой тут идет, и в газете писать хочет, и про тебя, про меня, значит, напишет, но потом, а пока все не нашли, не нужно говорить, что не пошептал сбору материала, что...

— И ты больше никому о портсигаре не сказала?

— После — нет.

— Разрешите спросить мне, — вмешался Олег. — Когда Калугин сообщил тебе о золоте?

— Я о золоте ничего не говорил.

— Это правда ложь? Он спросил: напал ли ты золото в самолете?

— В машине не спрашивал. Не сочтите мне с места.

Мазин оставил спор.

— Успокойтесь! Калугин спрашивал о находке у Николая, который ходил вместе с отцом. Он ведь не говорил вам, Олег, что беседовал с Матвеем. Он сказал только, что Филиппенко золота не брал. Ведь Матвей вряд ли отдал бы портсигар, если бы понимал, что значит национализации там цифры.

Это явно! Но понимаю, зачем вам так упорно выговаривать Филиппенко. Приспособляется, он сам портсигар. Но с мальчиком-то разговор был! Или вы думаете, что сам ничего...

— Евгения, Олег! Петербург поднялся Валерий. — Оставь Матвея в покое. И это намудрил. Протир очки и успокойся.

— Не горячись, Валерий, — предсторег Мазин.

— Извините, Игорь Николаевич! Спасибо, что вы этот клубок распутали. Мне трудней всех пришлось. Не умешается, что рядом мой отец лежит. Страшно встать подойти. Но не сомневалось, что мысли и жизнь Михаила Михайловича были такими, как мы рассказывали. Все это я видел, чувствовал, но не знал... Но вы же понимаете... Он тоже мне отцом был. И я от него не отрекусь. Но почему вы про того, кто дважды отца убил, молчите? У вас система, доказательства... и понимаю... Но мерзавец ускользнуть может!

— Нет, Валерий. Он умер.

— Умер?? Я видел его, когда сидел в вертолете.

— Ты видел Кузинарева, а не Патапшина. Это разные люди. Так и скзал тебе Михаил Михайлович. А ты не понял, решил, что Патапшин скрылся под ложным Кузинаревым.

— Извини та! Патапшин — Демьянчук. Остальные его клички и имена уточнил Дмитрий Иванович.

— Но его ж убили... Неужели и?

— Нет. Однако можно считать, что ты с ним расквитался. Больше того, удар этот, я полагаю, спас твою собственную жизнь. Постараюсь аргументировать... Олег понимал, как Михаил Михайлович узнал о спрятанном грузе. Но как узнал о нем Патапшин? Сам он сказал мне, что они встретились в баре «Григорьев». Художник Калугин и... пасечник Демьянчук. Можешь прочитать, что отчаянно занимавшийся преступлениями старатель некущий к старости с сыном здоровье. Может быть, вы не понимаете, что это, собственно, чудо — то, что они дожили до старости, и стремятся продлить его во возможностях. Патапшин же беспомощностью никогда не отличался, а здоровьем похвастаться не мог. Поэтому его обращение к природе так же загадочно. Объяснима и склонность к доморощенной философии. По-своему он пытался осмыслить прожитое, хотя и не увидел в жизни ничего, кроме «мудрой бесподобности», как он мне доверительно сообщал. Так или иначе, старость пришла, он дряхнул, возможно, и если бы Калугин по широте характера не привлекал пасечника в Дагестан, возможно бы, и обошлось...

Калугин, очевидно, сразу узнал Патапшина. Это не удивительно. Не виделся они десятилетия, а знали друг друга недолго да и выглядели в то время по-другому. У Патапшина же память оказалась лучше. Сказала волчья закалка, вечно в бетах, раздумывала некогда, и врага и своего узнавать с ходу нужно, а то головы не спонти! Однако он и сам не знался. Если бы Калугин по широте характера не привлекал пасечника в Дагестан, возможно бы, и обошлось...

Но Калугин, конечно же, понимал, что произошло. И Патапшин убедился — о! Что же делать? Узнее было бы стоять от греха подальше. Нет! Не те он личность. Жаждя покинуться и не только покинуться — покуриться, помочь себе, испытать садистское наслаждение, покинувшись над беспомощным, попавшим в капкан человеком — вот что подмывало Патапшина. И такику он выбрал подлую: объявляться не открыто,

— Теперь ясно, что он не разబрался вместе с машиной, а выпрыгнул с парашютом.

а постепенно, намеками, я или не я, сам догадайся, а покоя не будет и пойдешь тоже не будет.

Калугин мрачно, но надеясь, как скромно надеяться в самом безвыходном положении. И тут — золото! Понимаете, что это слово для Патапова было золотом? Оттуда вылезли бумаги, которые он шантажом выудить собирались. Это сам смысл его жизни, символ, если хотите. Так определились пружины действия! Помягките золотой мираж на алюминии, на именитость к Калугину, которому, с точки зрения Патапова, в жизни несправедливо «повезло», на страже, возникший по мере того, как приоткрывалась история гибели летчика, представьте психологию и опыт профессионального преступника. И вам станут понятны и решимость этого хилого на вид старичка, и его неожиданная энергия, и скажем прямо, недолжность самолета, которая дала обрывку мозга с толку. Впрочем, на краю этой аварии, это закономерность.

Как узнал он о золоте? Я не могу ответить на этот вопрос без вашей помощи, Олег.

Что-то переменилось в Олеге. Он не вспоминал вопрос Мазина, как очередную нападку.

Не исключено, что он подслушал мой разговор с Михаилом Михайловичем. Помните, мы ехали вместе в машине, когда и узнал от Гали, что самолет найден?

Я с ней зашел к Матвею.

— Давай чайку, Олег.

От тебя и направлялась прямая к Калугину. Он сам открыл мне. Я сказал, что нужно поговорить по важному делу. Он предложил высушивать меня во дворе.

— Не пригласил в дом? — уточнил Мазин.

— Да. Тебе понятно. У дома был привесок к дереву шнур. И Калугин говорил тако. А я волновался. Кажется, мы стоим недалеко от открытия окна. Но окно гаража.

— В гараже есть внутренний выход, — сказал Сосновский.

Из коридора, разворачившегося к Калугину в холле, а увидев меня, спустился в гараж и подсушивал, стоя у окна. Но как я мог предположить?

— Согласись, — смычился Мазин. — Хорошо, что этот факт прояснился.

В последние дни Патапов наверняка следил за каждым шагом Калугина. Не спускал с него глаз и одновременно послевспомнил за всеми, кто там или иначе соприкасался с самолетом. Не исключала тебя, Матвей.

— Виноват, Игорь Николаевич.

— Договаривал, что не устал.

— Ну да, я устал, — копая с Красной головы меч не сечет.

— Ты устал, — сказал Михаил, — и он, какая-то лягушка, или из аистов, или из птиц пригер позади. Шуцтал он его, шупал, отдал.

— Это произошло до разговора с Калугиным?

— Ну да. А потом и, дурак, еще хуже заснул. Зашел к нему и ляпнул:

— Ты Демьянкин, о прортесте помалкивал, покуда Михаил Михайлович и его передал.

— Важная деталь, Матвей, — сказал Мазин. — Новая для меня. Итак,

Патапов, определенно слегка собрал общирную информацию, и час от часа она прорабатывалась для него характер угрожающим. Проехал он почти всех. Мы с Борисом Михайловичем, увы, не исключение. Сидя в нашем домике, он узнал, что Калугин собирается говорить с Сосновским. С юриком, стоям, и отразил разговор не состоялся, медленно незвонко. Калугин решил...

Но и Патапов решил. Программа выстроена. Деркин, неожиданны и удачлив. Подробности не так важны. Возможно, поднимались в мансарде, он и не спанировал все в деталях. Возможно, паталы запутались в химии, выпнули его, отказавшись от обвинения... Наконец, Михаил Михайлович оставил деталь непониманию, не обобразил, что гром покроет громом. Он склонен переоценывать, преувеличивать опасности и стремится всеми средствами избежать конфликта, не имея в виду близость опасности.

Обманчивая удача привела к Патапову. Выскользнула из гостиной и вернулся он неизменно. Потом по желанию Марии Викторовны отправился в мастерскую, «обнаружил» мертвого и позвал нас с Сосновским. Когда подозрение пало фактически на каждого, Демьянкин выглядел светле других. Но преступники неизменно находятся в состоянии опасности. Он склонен переоценывать, преувеличивать опасности и стремится всеми средствами избежать конфликта, не имея в виду близость опасности.

И тут-то перед Патаповым возникла уникальная возможность заполучить первостепенное психологическое алиби. Он слышит предложение Бориса Михайловича обильствовать, что Калугин жив, и предпринимает ход, я и скажу нечто не в спешившей умной кляшки маркингом, а в большой, драматич. В суматохе после известия о разрыве химика и не заметил, как нож выскользнул и упал на медленнюю шкруку, на которой стоял стул. При слабом свете свечи подобрать его неизменно не составило труда.

Машин извинил.

— Верно. Мне следовало получить рассмотреть вашу одежду, Олег, и вспомнить, кто где сидел. Патапов снова поднялся на мандрасы, пока мы с Борисом Михайловичем замешкались на почте.

Ходил с теми мешками в заблуждение, что кто-то приготовился в нем изничествовать, искалистить, физически изуродовать, то же было ясно. Услыхал в отрывках истории Демьянкин мачеху у меня на стене. План. Сперва она как ни пародийски, перетряхнув хабуха фактов, спрограммировала их в систему. Калякался бы, именно смерть должна была стать главным алиби для безбожного пасечника. Терплю виски его в гравюре «смерти», а на «преступник», но еще до смерти Патапов наложил столько доказательств невиновности и непричастности к событиям, что гибель «Демьянкина» выглядела абсолютно необъяснимой... если только не поставить под сомнение все эти «доказательства».

И я пошел назад. Начал анализировать не улики, а алиби и прочие сопутствующие обстоятельства. Не сразу и не без поражений преборолся я через факты. Так было, например, со следами на снегу. Первое впечатление — пасечник боялся, спешил. Эти первые ведь в тупике. Вырвал меня, Валерий. Ты вспомнил, что он приходил не в сапогах...

— Но кто же убил его, Игорь Николаевич?

Сейчас разберем. Сперва я вспомнил, как он очутился в реке, потому что у него мертв Глоб прах. Патапов попал в воду мертвым. Когда ты складывал, что Демьянкин пришел в ботинках, я вспомнил его слова о сапогах. Он говорил, что сапоги оказались велики, и он собирается уступить их Матвею.

— Игорь Николаевич! — прервала Филиппенко.

— Погоди, Матвей. Дай сейчас очередь. Картина резко изменилась. Следы на приладежали больше маленькому бегущему человечку. Они были оставлены высоким идиущим обычным шагом человеком, который нес нечто тяжелое в отчаянной и изнуренной сиаге поскачи.

— Глоб. Или это был тот же... — и... — прервал ее. — Не ты. А чьи же подковы? — Мазин показал на обереги-кружки кусочки металла на браслете. — Откуда они?

— Там. Сын твой подсказала. Когда тебе пришло в голову сменить обувь?

— Да как донес его до речки, обернулся, а след остался, как пропечатанный. Ну, думаю, что делать? Тут меня и ударило: никто ж не видел, как он мне сапоги это проклятие приковал. А на нем видели. Распиновал я обувь, и у меня в кармане вместо них наступил.

— Все портится?

— Не до портняжного было.

— Как же тебе удалось надеть ботинки на два номера меньшие?

— Да на кий лад они меса сдалися!

Мазин расхохотался.

— Это меня и убедило. Ты ж единственный человек, который мог уйти вброд босиком по ледяному воде. Валерий бы не решился.

— Я привычен.

— А это я понимаю, Матвей, что факты не в твою пользу?

— А то нет! Поэтому и обжалуй. Ну да вы же разоблачились.

— Трубу открыл.

— Отлично! — обрадовалась Мазин.

— На заслонке его отпечатки пальцев, — подтвердил Глеб.

— Что это значит? — спросил Валерий.

— Это значит, что Патапов умер от угаря, и когда Филиппенко, войдя в хижину, увидел его мертвым.

— Тогда, Игорь Николаевич... Толкнул я дверь, и на доника угаром был. Не потому гад этот спорчился, синяк под глазом. Тронул я его — мертвый по полу, ноги гибнут. Черт что бадью! — Ведь если кто видел, как я шел к хате, а луна какая стояла, вы же помните, опять на меня подумают. И пули, и карабин, и тут еще — докажи, что не верблюд, попробуй! Ах плакать захочется. Но слезами-то горю не поможешь, сами понимаете. Один выход — спроводить мертвого в речку. Никто и не поймет, куда девалась. Выслушал я, оглеждаюсь: видро тихо. Бзаняли его на плечи — мать родная! След оставил. Ты же, Матвей, — сказал я. Кинула я его в воду и побрал с ботинками. Дурно было, да я, скажу я, а это, заряду, прибыло.

— Ботинки принос и в почту?

— Куда же еще? Побросинь глад — найдутся. Заканчивать охоты не было, да и снег, а печка голяща как раз.

— Но кто задумалась заискину? — напомнил Валерий.

— Сейчас поймешь. Зачем, Матвей, ты пришел в хижину?

— Валерий помнить хотел.

— После разговора с Демьянином?

— Ага. Когда он ко мне санкинчиком пришел. Но помни я его тогда, что он за санками уехал. Синко говорила. И пугал я обещанием что-то вроде бы. И обяснял, Матвей, что он добываетялся. И как находит собственную смерть. Я говорил, что смерть пасечника стала первоным моментом в моем поиске. До него внимание мое было сосредоточено почти целиком на личности Калугина. Узнать удалось немало и от Марии Викторовны и от Кушинарева. Всю больше и убеждался, что корни конфликта затескались в прошлом, что находка самолета вскользьмала какими-то неизвестные силы, действующие беспощадно и динамично. Гильза, которую вы видите, снисдовствовала особенно наглаждо, что сила эта не укрошена. И вдруг она обнаживается на безбожного пасечника!

Старинники... Винчак и Ко, винчаки так. Но зачем, если они и не в чем не винят? А тут же наткнулся! От пыли в хижину бумаги водки, хотя не пил. Пришел же. Очевидно, для срочных, не совсем обычных, требований «санкик» затруднительных переговоров. Это не похоже на появление человека изазариторенного, незамеченного. Судя по всему, шел он к Валерию, а улики падают на Матвея. Да еще какое! Насколько голубым казался пасечник, настолько мрачно выглядял Филиппенко. Настолько мрачно, что возникли сомнения. Что за всеобщее злодейство? Убийство Калугина, покушаться на меня, утопить пасечника! Междуда же эта история пугает Матвея показала мне неожиданно и изумительно. Примиряющим и наивным. И если на меня действуют санкик, то применить нормального, человеческого, словесного чувства, неподтверждаемой убежденностью мальчика в невиновности отца. Он на меня надеялся. Не хотелось его подвести.

И так, я занесла на изголовье. В этой ретроспекции было одно, самое непрятное для меня: звено: я не мог понять, с какой целью в меня стреляли. Мы с Борисом Михайловичем подглядели поблажку смелой, но не укрошающей нас гипотезы: что-то я прогоряла, а противник считает, что, наоборот, он у меня рукам. Гипотеза оправдалась? Но как? Противник действительно гонялся за решаемой уликой, но не за мной, хотя предмет его поиски был на руках у меня. Ты же помнишь? «Быть» Калугина, я убил, я ее подбил и... Калугин, я убил ее под рукой. Мы же с тебе, Валерий, едва она лишилась из-за него жизни. Когда я это понял, я пошел на нее.

Ты же мог вспоминать, как попал к тебе плакат. Предложил, что захватил его в мастерской. Это неверно. Из мастерской плакат высек Патапов, не предположив, что он станет причиной такого страха и даже паники, которая сопровождала преступника все оставшиеся часы жизни и тащила на новые преступления и ошибки. А в конечном счете привела к гибели.

— Мазин развернул плакат.

— Вы видите следы краски, пятна сажи и не так заметны, но, несомн-

ненно, маслянистые полосы. Это ружейная смазка. Патапон запирал пальцем отпечатки нальцев. Револьвер Калугин, как известно, использовался редко, и оно было обычно смазано. Поэтому после выстрела ствол и приклад, убийца сунул платок в карман куртки. В отличие от портсигара, который он положил в брюки. Спящийшился, он или позабыл о платке, или вполне резонно предположил, что в карманах заглядывать не будут. Так или иначе, Патапон пересек куртку в проходке.

— Я понял. Игорь Николаевич! — прервал Валерий. — Его куртка висела рядом с курткой... как две капли. И я полез за платком, взял его и посыпал... Ведь это же было вчера!

Но тут наставница доставила ег� А Патапону это видел. Нетрудно представить его состояние. Ему известно, что отец говорил с Валерием. Что он успел сказать? Бледный вымысел из его нарвана важнейшую тайну. Разве такое может быть случайным? Наконец, Валерий не скрывал от пасечника свою неприязнь. Инстинктивную. Но откуда ему было знать истоки неприязни? Правда, Валерий медлит, не действует. Но что на уме у этого неуважающего парня? Кто, как поведет от себя, когда появится милиция? Нет, милиции доверять нельзя. Нужно действовать! Новое убийство задумано тоже, но, скажем, с удачей. Решено было настичь Валерия в карбина Филиппенко, оставить на месте выстрела тайну и отстричь опасность сице дальше, запутать нового человека. Я сказал — настичь Валерия, и в этом-то и заключалась разгадка неопытного. Патапон охотился не за мной! Хизина, где ты обычно окочаливались, и ослабевшее стариковское зрение — вот что определило ошибку.

Матвей, разумеется, был смущен. Сначала старик завел ему карбины с неизвестным видом. А это у него получалось: старость и хлыст Патапона испытывали на себе. И вспомнил уроки. Помог Николай прибегает: стреляли! Нервы у тебя сданы, Матвей. Начинай с пистолета.

Точно. Игорь Николаевич... соглашись сидеть радиостоно.

— Но сама тебе и тут вырызил. В уничтожительной для меня форме, праща. Николай заявил ответственно: «Мой папка бы не промахнулся».

Как там на этот счет, Матвей?

— Да навряд. Игорь Николаевич.

Все засмеялись.

— Иши, гад, какую он сесть на меня запустил! Он, значит, убивать будет, а меня в тюрьму?

— Возможно, тебе грозило кое-что и похоже. Планы Патапона на твой счет были обширные и хитрее. Из чего он исходил? В самоделе было золото, но его не нашли. И не найдут, раз Калугин мертв, а портсигар захвачен. Сандовский, конечно, не знал, что в карбинах у него было золото спокойнейшее. Но как? На никого слова не доберешься, нецензурно и Олег споткнулся. Но как для Патапона эта дорожка. А Матвей может. Вот ему то кнут, то прищик. Запугал, и сапоги следом. Понимай, мол, с каким человеком дело имеешь! Нужен ты ему был, Матвей, чтобы пробраться сюда за золотом.

— Не сказал он, Игорь Николаевич, но накал, точно. «Выгодное дело знаю. За меня дерхись, но пропадени...» Такое плел.

— Ну а что ждала тебя, догадываться нетрудно. Делиться и оставлять свидетеля было не в правилах Патапона. Однако вернемся к Валерию. Замылок преступника не удался. Возможности свои он переоценял; глаза уже не те, да и руки. В меня не попал как следует. Между тем твое твественное место в истории было занято. И хотя Патапон при любой возможности накалкал на твою «шкуру», Валерий могло случиться, что лишь «самубийство» или по крайней мере несчастный случай, похожий на самоубийство запутавшегося, чумичного состоянию пыльного человека.

И вот с бутылкой и двумя пластмассовыми стаканчиками в кармане Патапон идет к тебе, Валерий. По пути занес сапоги Матвею, закрепил на чашу интригу, заполучил еще одно полузагадки: если кто и обратит внимание на его искучные перемещения, он был у Филиппенко. Нельзя отказать этому мерзому в умении запутывать следы. Повстречались Олег с Галиной: «Куда, дедушка?» «К Матвею». Складно! Но не знал он, что трудится впустую, что никакого золота не существует, безумно пережив и окончательно измотав тебя, Валерий. Их не было, и золото сумело убежать. Поговорю со мной было нормально, и оставил я эти жертвы, чтобы не попасть судом бесследком. Но с точки зрения человеческой, естественной, гуманной говорить о «нормальности» поведения Патапона не приходится. Его приходится только опасаться. Однако ты был далек от этой мысли, Валерий...

— Мне было противно.

— И ты откладывала пить самогон?

— Самогон?

— Да. Бутылка была не водка, а спирт. Гранулы семянки с гаком. Хлебном спулкой такого набора, та же, будучи выпиты, напоминали свалки бы с ног. Что и требовалось. Печь дрова, лежать угольками...

Валерий с силой хлопнул себя ладонью по лицу.

— Я знаю, когда он прикрыл трубу. Я выходил...

— Теперь ясно. Потому что тебе забыть вселению было все-таки рискованно.

— Я выходил. Появление этой мерзкой рожи подействовало на меня отвратительно, но хотелось сообразить, зачем он явился. Я вышел и проторил лицо снегом.

— А он тем временем задвинул заслонку. И взял носовой платок.

— Платок валился.

— Патапон использовал его в последний раз. Это был практический человек. И он не собирался оставлять отпечатки нальцев на заслонке. Вот откуда сажа на платке. Когда ты вернулся, он не успел ехать спрятать, сжал только в кладке.

— И залютил: «Оставил тебе водичку, Валер, сам я не пьющий. Пойду, если сердце...». Я ему: «Бороды бутылку!». Он: «Кап хочешь, я напрасно прембрешился стариком...» Ну и намекнул, сказал гадость. Вы знаете. Ударил я его. Но убивать не хотел.

— Ты и не убил. От такого удара не умирают. Но, падая, он ушибся затылком о синяк кроаты и потерял сознание. Этого оказалось достаточно. Удар началь действовать.

Вот мы все вместе и разоблачились. Буду рад, если мои наблюдения пригодятся следствию.

**Станислав ЛОБАНОВ,
Андрей ЧУМАКОВ,
мастера спорта,
сотрудники Всесоюзного
научно-исследовательского
института физкультуры**

Итак, продолжаем занятия на стадионе «Смены». Второе занятие посвящается лыжам.

Первые шаги на лыжах даются не просто, так как первые шаги в жизни составляют предпосыпки для дальнейшего обучения. Для этого на занятии предполагается выполнить специальные подготавливающие упражнения. К сожалению тех, кто считает себя запасенным лыжником: эти же движения будут для них хорошей школой совершенствования техники.

Для начала вы должны освоить основное положение лыжника.

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

УПРАЖНЕНИЕ 1. ПОЛОЖЕНИЕ НА СОГНУТЫХ НОГАХ

Ступни поставьте параллельно, расстояние между ними — ширину одноглазика. Согните ноги в коленях, гуашни — слегка, настолько, чтобы пятки от пола не отрывались. Теперь постепенно поднимите туловище — они должны быть горизонтальны над носками. И есть посадка лыжника.

Повторите упражнение 10—12 раз.

УПРАЖНЕНИЕ 2. ПРИЫМОК ВВЕРХ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ПРИНЯТИЕМ ПОСАДКИ ЛЫЖНИКА

Для закрепления первого упражнения приступите к выполнению прыжка вперед и смены прыжка на посадку. Повторите это упражнение 8—10 раз и нацайдите разницу в выполнении посадки.

Теперь приступите к разучиванию попеременного двухшажного хода, наибольшее распространение в лыжном спорте.

ИГРАЮТ ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ»

1476 читателей из самых различных районов страны — от Архангельска до Сахалина — выиграли в конкурсе детской прозы — «Виват, я — юный писатель!». В заочных шахматных турнирах организованных на базе журнала «Смена» — 162 (1) турнира — победители и призеры становились мастерами и первоклассниками. В двухшажном гончарном турнире читатели «Смены» — часть из них состояла из трех членов команды — турнирные места остались пустыми. Групповые соревнования проводятся по-старинному долго — в среднем 15—18 месяцев, и мы надеемся, что в будущем это не помешает группе читателей «Смены» занять первое место в гончарном турнире.

Многие любители шахмат с опозданием сообщили нам о своем желании играть в турнире, но перед тем, как выразить свое желание, мы предлагаем вам вспомнить о золотом призере журнала «Смена» — Юрии Корчной, одержавшим победу в двухшахматном турнире в Грузии. Юрий — настоящий мастер шахматного искусства. В итоге Юрий завоевал золотую медаль, звание «Тумакова мастер» и первенец титул. Оба шахматиста играли с большими поддержкой, что подтверждается примерами из их партий,

УПРАЖНЕНИЕ 3. ИМИТАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ НОГ ЛЫЖНИКА

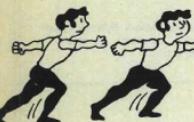
Примите положение лыжника. Теперь выполните отталкивание ногой, повернув туловище тела на правую ногу. Сделав небольшую паузу, скользящим движением всей ступней выполните движение ногой вправо и толчковое движение правой ногой назад. Теперь тем же скользящим движением имитируйте прыжку ногой вперед, отталкиваясь левой ногой назад. Поводитеся таким образом, вспоминая технику прыжка, сохраняя положение лыжника на согнутых ногах. При скользящем движении вытяните ногу не коском, а согнувшись.

Примите посадку лыжника. Теперь склоняя левый ступней по пологому отведите правую ногу вправо для отталкивания. Сделайте небольшую паузу и проверьте положение ног: правой ногой вперед, а левая нога согнута в колене, а левая выпрямленная нога — сзади, на носке.

Наконец, приставьте левую ногу и выполните отталкивание правой ногой. Снова сделайте паузу и проверьте правильность принятого положения.

Выполните 10—12 упражнений изменив ноги, делая небольшие паузы после выпрямления ноги назад.

УПРАЖНЕНИЕ 5. ИМИТАЦИЯ ОСНОВНОГО ЛЫЖНОГО ХОДА В СОЧЕТАНИИ С ДВИЖЕНИЕМ РУК

УПРАЖНЕНИЕ 4. ИМИТАЦИЯ СКОЛЬЖЕНИЯ

Примите положение лыжника, руки опустите свободно вниз. Выполните свободное винтообразное движение левыми руками: движение левой ногой назад, отведите левые руки назад, а правые вперед. Сделав скользящий шаг левой ногой вперед и поменяв положение рук.

Повторите это движение 20—25 раз. Запомните: движения пальцами ног должны быть точные, тонкими. При шаге правой ноги отталкивайтесь правой рукой, при шаге с левой — правой.

Итак, вы познакомились с посадкой лыжника и основными лыжными ходами. Повторяйте ежедневно эти упражнения и, если у вас появилась уверенность в точности и правильности выполнения движений, смело берите лыжи и выходите на снег.

Сначала попробуйте походить по снегу без палок. Добившись того, чтобы шаги были свободными, можно приступить к скользящему ходу с палками. Спустя некоторое время у вас появится автоматизм в выполнении основного хода, и тогда в полной мере почувствуете его.

Не опасайтесь, вы основного ходу далеко не все премьеры лыжного спорта. Предлагаем еще два упражнения, которые можно разучить на лыжном прогулке.

УПРАЖНЕНИЕ 6. «ПЕРЕСТУПАНИЕ»

Станьте на лыжах прямо. Принимая носок левой лыжи, переставьте ее влево и поставьте лыжу на снег. Сделав небольшую паузу, верните ногу вправо, приставьте правую лыжу к левой. Вы сделали самый простой поворот на 180°. Теперь попробуйте сначала попробовать выполнить его, скользя на непрерывной горке. Думаем, что переступание на снегу — это то, что не ходит его. Наступление беды может остановить невозможно.

Когда же нога впереди, то придется ходить на ней. Не отклоняйте туловища назад, и вам нужно выполнить круговой поворот, сделав на лыжах

смычками в первенстве

С такой позиции пришла партия, сыгранная соперником. Белые, имея в своем распоряжении змею ферзя, форсировали победу, предложивши Тумаковым, который руки белых вилами не может не взыграть восхищением.

21. Ф:б6! Ф04. В случае

принятия жертвы белые вы-

игрывали форсированно. Но сейчас их стала развертывать позиция. Белые вынуждены были сделать ни одного замечательного промаха.

14. Сб6 15. К3 б5. 16. Фс2 Сg4 17. 0—0 Кh5 18. Кe2 Фd4 19. Сe5! Одновременно белые получают мало шансов на успешную защиту.

20. Jад1—c4 21. Фc5! 22.

Черными Корчной добился подавляющего преимущества, приставив соперника к одному замечательному промаху.

14. Сб6 15. К3 б5. 16. Фс2 Сg4 22. Кe2 Фd4 23. Кh5 17. К:сб 24. Кf3 25. б6! Сd5 26. Фd4! 27. Сd6! 28. К:б6 29. К:г6 30. Сd5 31. К:г6 32. Фd5! 33. К:б6 34. Сd6! 35. Фd4 36. К:сб 37. К:б6 38. Фg7+ 39. К:г6 40. Фd4! 41. Чирков сдалась.

Но и нашему покорителю партии Корчного в киевском гроссмейстеру И. Платонову после 14-го хода белым. Серия тонких манипуляций

УПРАЖНЕНИЕ 7. «ПОЛУПЛУГ»

Съезжая с непрерывной горки, вы захотите повернуть вправо. Для этого слегка разверните левую ногу, чтобы не всплыть вправо, и разверните ее антагонист, чтобы левые ребра лыжника упирались в снег. Таким же способом упирались вправо лыжи, попытайтесь повернуться влево.

КАК ТОРМОЗИТЬ? РЕКОМЕНДУЕМ ДВА ПРОСТЫХ СПОСОБА:
1. Всплытие задними лыжами в стороны, а сами лыжи слегка наклоните вовнутрь.
2. «ПРОПОРЫ». Одной ногой упереться в сторону движения и развернуть ее вовнутрь.

Теперь вам предстоит разучить еще один лыжный ход, которым следует подавлять скорость с помощью лыжного инвентаря движущимися шагами. Этот ход называется «ДВУХШАГНЫМ ОДНОВРЕМЕННЫМ»: на первый скользящий шаг лыжник выносит оперед палки, на второй шаг — отталкивается обеими палками одновременно. Он дает высокую скорость и лыжник, хорошо владеющий техникой двухшагового одновременного хода, будет иметь при хорошем скользявлении заметное преимущество в беге.

ПОКУПАЯ СЕБЕ НОВЫЕ ЛЫЖИ, воспользуйтесь следующими правилами:

1. Длинные лыжи приобретите в то время, когда вы сантиметров на 100 превышаете свой вес. Таким образом если вы весите 170 килограммов, а вес лыж 90 килограммов, то вес лыж 160 килограммов (170 : 35). Можно воспользоваться и более короткими лыжами, но не забывайте, что они должны быть с собой и поднять руки вверх. Верхний конец лыж не должен находиться на уровне пальцев поднятой руки.

2. Лыжи не должны иметь продольных и поперечных изгибов. Несмотря на то, что лыжи изгибаются в середине, они должны быть подвижными. Настоящие спортсмены придают большое значение смазке лыж, у многих имеются даже собственные рецепты, а выражение «топок» в отношении лыжников означает синонимичное слово «тюфяк». Вам, конечно, рано или поздно научиться маселить лыжи, поэтому попробуйте это в спортивных магазинах, но учтите обязательно температуру воздуха и снега, соленость, рельеф местности.

Массаж лыжного — на совершение которого требуется чисто и чистую поверхность (носок, боковые ребра). Чтобы избежать проскальзывания лыжи назад при отталкивании, на центральную часть лыжи наложите массажные масла, предназначенные для более мягких погод.

Нашенесенный слой масла растягивается на воздухе и превращается в прозрачную пленку, на воздухе только пробкой. Слизание лыжки должна быть ограждена на воздухе в течение 10—15 минут.

Основные техники лыжных гонок, попробуйте пройти дистанцию на время: МУЖЧИНЫ — 5 КИЛОМЕТРОВ 31. 25 МИНУТ, ЖЕНЩИНЫ — 3 КИЛОМЕТРА 18 МИНУТ.

К такой позиции свелась партия полуфинального матча между А. Шимоновым и мастером Е. Альбумтом после 27-го хода белых. Итогом — черными армейцем Е. Шимоновым — достойна похвалы — ему удалось опередить шесть (!) гроссмейстеров и многих опытных мастеров.

Знаете ли вы, что, стремясь утолить все возрастающую жажду читателей к знаниям, печатные органы уже много лет подряд сообщают всему любопытные факты под рубрикой «Знаете ли вы?»

Однако факт остается фактом: что публикации сведения «засекретили» интересны, а порой даже вызывают сомнения в их достоверности.

Весьма озабоченные этим обстоятельством, мы решили дать нашим читателям абсолютно верную, запоминающую информацию, сообщающую нам человека, который уверяет, что знает все и совершенно точно.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

...Что молоко в коробках было обнаружено лишь в 1347 году. До этого животные использовались только на мясо.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Феликс КУРИЦ

Пародии

...Что физик Бойль, испытывавший материальные затруднения, был вынужден жениться на богатой графине Маринотт, а после открытия им известного ныне закона тщеславия бездельнича настояла, чтобы он присоединил ее фамилию к своей.

...Что жители Галапагоса вместо автомобилей используют словесных черепах. Скорость их, правда, невысока, но и остров невелик.

...Что американский писатель Сидней Портер взял псевдоним О. Генри после того, как однажды какой-то прохожий, видимо, обознавшись, обратился к нему с воскликнем: «О, да это никем Генри!»

...Что идея написания балета «Спартак» зародилась у А.Хачатуряна на стадионе «Динамо» во время матча между командами «Нефтехим» (Баку) и «Крылья Советов» (Куйбышев).

...Что слово «театр» произошло от греческого слова «театра».

...Что до изобретения бумаги трамвайные билеты делались из кожаных. Что... и т. д. и т. п.

Рисунок Валентины ИВАНОВА

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

КРОССВОРД

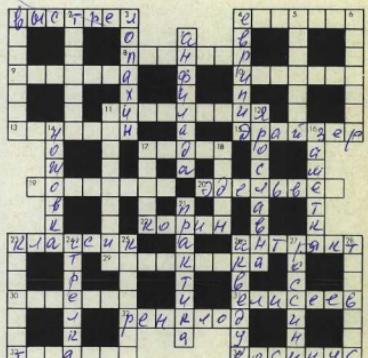
Составил В. ЛЕПИХИН, г. Кунгур

По горизонтали:

- Повесть А. С. Пушкина.
- Речь на Северном Кавказе.
- Охотничий собаika.
- Союз советских писателей.
- Штат на севере США.
- Наука о языке изучения.
- Автор романа «Американская трагедия».
- Драматическое произведение Я. Расина.
- Альбомная фантика.
- Народный художник СССР.
- Общепризнанный писатель.
- Период между отдельными концертами.
- Отдел певчих в театре А. А. Чехова.
- Советский композитор.
- Сорт синя.
- Приятель Амазонки.
- Тригонометрическая функция.

По вертикали:

- Город в Великобритании.
- Стеклодувные формы.
- Драматург Полькова «Они скрываются за Родину».
- Древнегреческий элемент, награжденный почетным знаком Ленинского комсомола.
- Одна из Курильских островов.
- Ряд, в котором каждый член другой помнит.
- Прозрачный пластичный материал.
- Песня из оперы Бородина «Князь Игорь».
- Птица с одной ручкой.
- Краткая газетная корреспонденция.
17. Тропический деревенька.
- Советский борец, заслуженный мастер спорта, награжденный почетным знаком Ленинского комсомола.
- Советский писатель.
- Применение и закрепление теоретических знаний студентами в практике ансамбля.
- Деталь часов, измерительного прибора.
- Советский писатель, историческое сооружение.
- Итальянский композитор.
- Дамба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

- Поморский.
- П. Павлович.
- Примула.
- Репин.
- Андрей Белый.
- Константин Назаров.
- Шахматист.
- Парсон.
- Оланас.
- Лотос.
- Основин.
- Равин.
- Шинкай.
- Испания.
- Поминицыца.

По вертикали:

- Лобзик.
- Тяжеловоз.
- Островах.
- Фирма.
- Магнит.
- Конь.
- Борисов.
- Архитектура.
- Гравировка.
- Луконко.
- Почтак.
- Эстония.
- Хрусталик.
- Ильинский.
- Папанин.
- Фотон.
- «Паяцы».

НЕ СПИТЕ, ПАРНИ

Слова Михаила КРИВИЦКОГО

Музыка Бориса ГРАБОВСКОГО

Молчат радисты океана,
Но тишина не молчалива,
Не спите, парни, в час тумана
Вблизи нейтрального пропива.

Пряпье:

Не спите, парни, на рассвете,
Вам это спасут впервые.
За утро доброе на свете
Мы отвечаем, молодые.

Когда туман скользит по реям,
Тогда бывает в море всяко.

Беда не восн в это время
Опознавательного знака.

Пряпье:

Пусы камни сият во мгле тумана,
Они живут, ни с кем не споря.
А вы не спите утром рано,

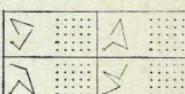
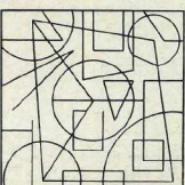
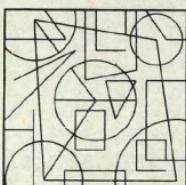
Когда волны тревогой с моря.

Пряпье:

Не спите, парни, на рассвете,
Вам это слышать не впервые.
За утро доброе на свете
Мы отвечаем, молодые.

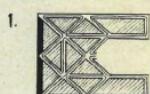
5
на рэ
мышь
ни

1. Найдите в этих двух рисунках десять отличий.

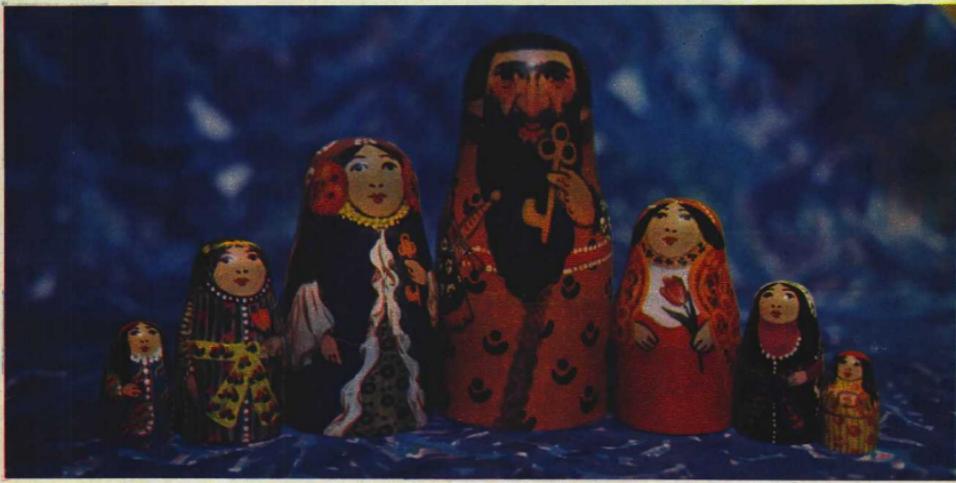

2. В каждом из точечных квадратов попробуйте нарисовать фигуру изображенную рядом. Рисунок начните с крупной точки.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 2

НЕОЖИДАННЫЕ МАТРЕШКИ

Первая русская матрешка. Москва, 1890-е годы. Художник С. Малютин.

Тарас Бульба и сын его Остап. Серебряные Посад. 1909 год. Художник Н. Бартрам.

Цыганский ансамбль. Начало XX века. Автор неизвестен.

Вылинные витязи. Серебряные Посад. Начало XX века.

Степан Разин, княжна и сточники. Серебряные Посад. Начало XX века. Мастер Бусемгин.

Русская матрешка. Самобытный и, бесспорно, самый популярный народный кукольный вид. Краснодарская, нарядная, загадочная... В самом деле, почему же это так? Или сколько их? Три, пять, а может, двадцать три, тридцать, тридцать пять, нарядных. Но скорее всего, что вас не только внутри этих неподвижных кукол. Неоногими могут быть и сами матрешки. Помимо Тараса Бульбы с сыном... И даже целий цыганский ансамбль. Все эти матрешки обитают в Загорске, во вновь открывшемся музее русской народной игрушки.

Александр ШПИКАЛОВ,
фото автора

